

ЭКСПАНСИЯ

ВОЙНА НЕУДАЧНИКОВ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

Сергей
МУСАНИФ

Вселенная неудачников

Роман Злотников

Война неудачников

«Автор»

«Автор»

2010

Злотников Р. В.

Война неудачников / Р. В. Злотников — «Автор», «Автор»,
2010 — (Вселенная неудачников)

И у Империи Кленнон, и у Демократического Альянса людей, и у Гегемонии ящеров-скаари были свои причины начать войну – причины достаточно разные, но своей критической массы они достигли практически одновременно. Небольшая вспышка, произошедшая от отдаленной космической станции, зажгла пламя, в котором запросто может сгореть вся галактика. Ведь если раньше люди убивали людей, скаари убивали скаари, а кленнонцы – кленнонцев, теперь у них появилась прекрасная возможность убивать всех подряд...

© Злотников Р. В., 2010

© Автор, 2010

© Автор, 2010

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Роман Злотников, Сергей Мусаниф

Война неудачников

© Р. Злотников, С. Мусаниф, 2011

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Холод. Я не люблю холод. Пронизывающий, забирающийся под любую одежду, заставляющий стучать зубами, вымораживающий даже мысли в голове. Беспощадный.

К холоду невозможно привыкнуть. Холод можно только терпеть.

Если вы спросите меня, что я не люблю на этом свете больше всего, я скажу, что больше всего я не люблю холод. Поэтому я всегда думал, что если у дьявола есть хотя бы толика изобретательности, то мой личный ад, тот, в который я попаду после смерти, будет ледяным.

Кто же знал, что еще при жизни мне доведется угодить в огненный ад.

Разумеется, это был не классический вариант ада. В нем отсутствовали сковородки с шипящим маслом и котлы с кипящей смолой, а вместо бесов с вилами в этом аду были скаари из клана Торбре – скаари и их чертов шагающий танк, оснащенный тактическим огнеметом, в пламени которого окружающие Де-Мойн вековые деревья сгорали за считанные минуты.

И была стена огня шириной около пятидесяти метров, увернуться от которой не представлялось никакой возможности.

У Холдена не было ни единого шанса. Доспех не по фигуре, негерметичный, даже без шлема... Он сгорел, как... как листок бумаги в ревущем лесном пожаре. Или – как человек, попавший под струю тяжелого огнемета скаари.

Не знаю, кричал ли он перед смертью. Даже если и кричал – ревущее вокруг нас пламя поглотило любые звуки.

Зато его смерть была быстрой. Еще мгновение назад он стоял, задрал голову и показывая пальцем в ту сторону, откуда придет его смерть, а в следующую секунду налетело пламя, и его броня опрокинулась на спину. А когда она коснулась обугленной земли, человека в ней уже не было.

Я знаю людей, которые считают быструю смерть преимуществом, и иногда мне даже кажется, что я могу их понять. Лучше уж сгореть за секунду, чем, как это предстояло нам, запекаться в тяжелой броне заживо в течение долгих минут.

Система охлаждения автоматически включилась на полную мощность и почти сразу же доложила о критических перегрузках. Температура внутри брони начала стремительно повышаться и уже через пятнадцать секунд после начала атаки составляла чуть меньше пятидесяти градусов. Неприятно, но не смертельно.

Пока еще не смертельно.

– Рассредоточиться! – заорал Риттер, и от его вопля у меня зазвенело в ушах.

Зачем так шуметь-то? Можно подумать, он обращается к нам не по внутренней связи, а старается перекричать пламя.

По большому счету, толку в решении разделить было не много. Мы ведь имели дело не с примитивным боевым роботом, способным в один момент времени использовать только одно оружие, а с тяжелым многофункциональным танком, оснащенным несколькими видами вооружения и управляемым многочисленным экипажем. Этот танк способен решать куда более сложные и масштабные задачи, нежели уничтожение нескольких людишек, случайно оказавшихся у него на пути.

Что он и его коллеги вполне успешно доказали несколькими часами ранее, сровняв этот город с землей.

Боб включил реактивный двигатель скафандра и ушел вправо. Сам полковник Риттер рванул вертикально вверх. Соответственно, я резко ускорился в единственном оставшемся мне направлении – налево, и через несколько секунд мне удалось покинуть объятую огнем зону.

Температура внутри скафандра не торопилась падать, и, несмотря на работающий в шлеме вентилятор, пот все равно заливал глаза.

Самое слабое звено боевого костюма ВКС – это человек внутри его. Плоть слаба и несовершенна, и даже если ты навесишь на нее тонну железа, напичканного сотней самых современных девайсов, она все равно останется слабой и несовершенной.

Я думаю, идеальная война возможна в том случае, если полностью исключить из нее человеческое участие. Было бы неплохо, если бы одни роботы воевали с другими роботами, и было бы просто прекрасно, если бы они совершали это незамысловатое действие где-нибудь в отдаленной, пустынной и никому не нужной местности.

То есть, пока автоботы и десептиконы Майкла Бэя¹ разбирали друг друга на запчасти на своем родном Кибертроне, это и была идеальная война. А потом они перенесли свои разборки на Землю, и она перестала быть таковой.

Зато про нее стали снимать фильмы.

Как там звали того здоровенного парня, который собирался из нескольких тяжелых грузовиков и разламывал египетскую пирамиду, где внутри была спрятана адская машина, способная уничтожить Солнце? Забавно: оказывается, теперь у Визерса тоже есть такая машина, пусть даже уничтожение одного конкретного светила для него не самоцель и не является основной задачей.

А уж здоровенных и смертельно опасных штуковин тут нынче вообще пруд пруди.

Поскольку от города мало что осталось, единственным укрытием могли служить только зияющие в земле провалы в тех местах, где раньше были здания. Я нырнул в один такой провал, прикидывая, сколько осталось до леса, успею ли я до него добраться и есть ли вообще смысл двигаться в том направлении. Да и есть ли смысл двигаться вообще.

Реактивный ранец скафандра предназначен для маневрирования, а не для марш-бросков, его энергозапаса надолго не хватит, а других способов тягаться с танком в быстроходности у меня нет. «Тарантул» скаари сильно отличается от неторопливых и таких неуклюжих на вид «шагунов» Звездной Империи Дарта Сидиуса, но я не припоминаю, чтобы и от них кто-то пытался уйти пешком.

У человеческого мозга... ладно, черт с ним... у моего мозга обнаружилась очень странная особенность.

После того как я угодил в место и время, доселе казавшиеся мне исключительно атрибутом научной фантастики, грань между реальностью и вымыслом для меня истончилась, а существование машины времени, которая перенесла сюда, порой казалось мне столь же вероятным, как и существование далекой планеты Кибертрон, практически уничтоженной в ходе разрушительных гражданских войн, сотрясавших государство трансформеров несколько тысячелетий тому назад.

С той поры космические полеты, боевые бластеры, шагающие танки, гигантские корабли-разрушители и сумасшедшие теории Визерса о существовании регрессоров, влияющих на развитие всех трех населяющих галактику рас, представляются мне явлениями одного порядка, хотя многие мои нынешние современники этой точки зрения не разделяют. Но мне сложно поверить, что в мире, где существуют гипердвигатели и путешествия во времени, осталось место для настоящей научной фантастики.

А с другой стороны, может быть, я до сих пор так и не смог до конца поверить в реальность окружающего меня мира, поэтому достаточно легко воспринимаю то, что со мной происходит. В безумном мире возможно все...

– Переключка. – Динамики выплюнули хриплый голос Риттера. – Я в порядке. Как вы?

– Здесь, полковник, – отозвался Боб.

– Я тоже, – сказал я.

Где бы ни было это «здесь».

¹ Гигантские боевые роботы – основные действующие лица в фильме «Трансформеры» режиссера Майкла Бэя.

– Я связался с кораблями, – сообщил Риттер. – Обрисовал текущую ситуацию. Там тоже не сахар, они еще даже не добрались до верхних слоев атмосферы, но если вкратце, то план готов. Пока они будут лететь, нам стоит оторваться от танка на максимально возможное расстояние. Всем все ясно?

– Да, шеф, – сказал Боб. – С какой высоты они будут работать по танку?

– Понятия не имею! – жизнерадостно отозвался Риттер. – Выбор тактики и оружия я оставил на их усмотрение. Так же, как я оставляю его за вами. Главное – продержаться до подлета кораблей.

Он отключился.

Итак, спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Вполне разумно, учитывая обстоятельства.

Прикинем диспозицию.

При подходе к планете наши корабли нарвались на проблемы со сторожевиками скаари, чего в принципе и следовало ожидать. Это значит, что пробиваться в атмосферу им придется с боем, а если помимо тяжелых орбитальных судов у скаари в пределах досягаемости есть и «москитный флот», то бой этот не закончится даже в нижних слоях атмосферы, и вполне возможно, что в придачу к уже имеющемуся здесь танку они притащат с собой пару истребителей. Или – не пару, а добрый десяток.

Но без тяжелой корабельной артиллерии нам тут ловить все равно нечего. Пытаться повредить «тарантулу» имеющимся в комплекте боевого костюма оружием – это все равно что бросаться с копьем на танк, каковым этот «тарантул», собственно говоря, и является.

Похоже, что наше будущее будет коротким, зато очень насыщенным событиями.

Каковы наши шансы остановить Визерса, если наши шансы пережить следующие десять минут еще не равны нулю, но уже стремятся к нему на полном ходу?

Я выскочил из своего укрытия и обнаружил танк в каких-то жалких пятистах метрах по правому борту. Огнемет по-прежнему работал, и танк медленно разворачивался в мою сторону, заливая пространство огнем. И не так уж важно, прицельно ли он это делал, или же ребята просто жгли напалм для профилактики.

Лес оказался не так далеко, как я думал, до него было всего около километра, правда, преодолеть этот километр предстояло по абсолютно открытой местности. Пепелища и немногочисленные руины, оставшиеся выше уровня земли, не могут служить достаточным укрытием от оружия скаари.

Бег в силовом скафандре почти ничем не отличается от обычного бега, но только для человека, который находится внутри этого скафандра. То, что раньше было препятствием, теперь таковым не является. Нет особой необходимости тормозить перед большинством местных стен, перепрыгивать кусты или огибать молодые деревца. Ты их просто не замечаешь, твоя броня сметает их, даже не утруждая твое тело обратной связью. Для человека без брони столкновение с человеком в броне равносильно столкновению с грузовиком, о чем человек в броне должен помнить, действуя в общественных местах.

По счастью, сейчас не тот случай. Людей без брони вокруг нет, они все уже умерли, а если здесь обнаружатся боевики скаари, выбравшиеся из первого танка, то это уже их личные проблемы.

Я преодолел половину расстояния до леса, когда по мне ударили огнеметы. Температура, едва успевшая понизиться на пару делений, снова поползла вверх. Прыжки и броски из стороны в сторону не принесли никакой пользы, ибо поток пламени был слишком широким, зато снижали скорость, так что я решил отказаться от отчаянного маневрирования и тупо двинул вперед.

Температура уже приближалась к парной, система охлаждения не справлялась, легкие вдыхали горячий воздух, и я подумал: первое, что я сделаю, оказавшись в лесу, это откину лицевой щиток и глотну напоследок свежего осеннего воздуха, наплевав на риск разделить участь Холдена.

Только бы они хотя бы на мгновение выключили свои огнеметы...

Строго говоря, полоска леса, к которой я приближался с изрядной, пусть и несколько далекой от желаемого скоростью, вовсе не являлась спасением, ибо огнеметы «тарантула», помимо прочего, служили им для того, чтобы прожигать просеки в лесу. Однако это могло дать мне небольшую передышку и свободу маневра, а также затруднить ребятам прицеливание. Долго мне так не протянуть, но если наши корабли пробьются к Де-Мойну, то долго и не надо. А если не пробьются, то можно уже сейчас открывать щиток и ползти в сторону кладбища.

Я ворвался под свод деревьев, разметав попавшийся на пути кустарник, и огонь ворвался туда вместе со мной. Осенние деревья вспыхнули, как политые бензином спички. Температура внутри костюма уже приближалась к предельно допустимым для человека значениям. Я метнулся влево, перепрыгнул через небольшой овраг, миновал группу вековых деревьев, чьи стволы уже начинали тлеть, и таки вырвался из затопившей окрестности огненной реки. Сердце стучало в бешеном ритме, а легким не хватало воздуха. Наверное, за время этой пробежки мне удалось сбросить пару килограммов.

Огонь позади меня стих. В смысле, лесной пожар никуда не делся – против законов природы не попрешь, но продолжался он уже сам по себе, без помощи огнеметов. Неужели у «тарантула» таки закончился запас напалма?

Однако прежде чем глянуть на танк и оценить ситуацию, я сместился еще метров на двести влево и залег у могучих корней какого-то местного великана.

Искушение откинуть щиток все еще было очень велико, но я пока не решался. Огненный ад мог вернуться сюда в любой момент.

– Жарко, – прохрипел динамик голосом Риттера.

– Не без этого, – согласился я.

Боб не отозвался. Что ж, по крайней мере двое из нас все еще живы.

Танк замер на полпути к лесу и не предпринимал по отношению к нам никаких агрессивных действий. Все его орудия были обращены к небу, выискивая новую цель, которая, видимо, должна была появиться в самое ближайшее время.

Я посмотрел вверх и ничего там не увидел.

– Они ждут угрозы сверху, но вряд ли они бы засекли наши корабли так быстро, – прокомментировал Риттер. – Скорее всего их кто-то предупредил.

Оставляя за собой длинный дымный след, огненный болид прочертил небо на востоке и рухнул в лес километрах в двадцати от города, даже не предприняв попытки затормозить. Пламя взрыва поднялось высоко над деревьями.

Остается только надеяться, что это был перехватчик скаари, а не один из наших кораблей.

В следующий миг мне показалось, что «тарантул» взорвался, и я уже было возликовал, но мгновением позже сообразил, что это был не взрыв, а одновременный залп из всех его бортовых орудий. Импульсы лазеров и шары плазмы улетели в небо первыми, чуть позже за ними последовал десяток ракет и трассирующие очереди крупнокалиберных пулеметов. Как выяснилось еще несколько секунд спустя, это был жест отчаяния, и он ни к чему не привел, ибо «Ястреб» вынырнул из-под низко нависших облаков совсем не там, куда ушло большинство зарядов, и устремился в стремительное пике.

Оценив подлетное время и лихость маневра, я задумался, кто же сейчас занимает кресло пилота и почему этот «кто-то» до сих пор не открыл огонь, но секундой позже это стало не важно.

Так и не начав стрелять, и даже не попытавшись притормозить, как и первый болид, «Ястреб» рухнул на остатки Де-Мойна в доброй полусотне метров от «тарантула». А потом взорвался его ходовой реактор, и новый взрыв, в разы мощнее всех предыдущих, поглотил и обломки корабля, и танк скаари. И вот уже огненная стена накатывает на меня, а ударная волна подхватывает сотни килограммов боевого железа, в которое я облачен, и тащит по земле только для того, чтобы через несколько десятков или сотен метров впечатать меня спиной в ствол дерева.

Костюм сработал на пределе возможностей и компенсировал удар, что не помешало мне приложиться затылком о внутреннюю часть шлема и на какое-то время потерять сознание.

Часть первая

Последнее затишье перед бурей

Глава 1

Генри Холден, человек-загадка, который в далеком двадцать первом веке выдавал себя за агента британской разведки, а ныне оказался сотрудником СБА, что тоже довольно круто, откинулся на стуле и потерял челюсть, в которую несколько секунд назад врезался мой кулак.

Бил я из положения сидя, да еще и пришлось тянуться через весь стол, так что удар получился не самый сильный. Холден даже не рухнул на пол вместе со своим стулом и ничего себе не сломал.

А жаль.

– Рука не болит? – участливо поинтересовался Холден.

– Нет.

– Ну и хорошо. – Он хлебнул кофе. – Признаю, я это заслужил. Перебрал со спецэффектами и готов признать, что мое чувство юмора иногда просто не знает границ.

– Тогда давай еще раз и с самого начала, – сказал я. – Кто ты такой, откуда ты взялся и что ты тут делаешь? И без чуши про футбол, «Звездные войны» и темную сторону силы, если можно.

– Звездные войны – это то, что ждет нас в ближайшем будущем, – сказал Холден. – По счастью, пока ни одна из сторон не обладает Звездой Смерти², но не факт, что оно так и останется. Визерс считает...

– Ты знаешь Визерса?

– Конечно, я знаю Визерса. Я на него работаю. Он ведь велел тебе отправиться сюда и дожидаться, пока на тебя не выйдет кто-то из СБА. И вот я здесь. Вуаля!

– Доказательства?

– Мы оба под прикрытием, какие тут могут быть доказательства? – сказал Холден. – Если тот факт, что я знаю о вашем с Визерсом разговоре на борту «Устрашающего» и твоим небольшим рейде на Тайгере-5, не послужит для тебя убедительным аргументом, то я уж и не знаю, как и что тебе доказывать.

– Значит, двадцать первый век, Белиз...

– Подумай сам, Алекс, – предложил Холден. – СБА курировала темпоральный проект с самого начала, я родился в этом времени, и мы встретились с тобой в прошлом, потому что меня в это прошлое отправили. А теперь я вернулся. Точнее, вернулся-то я не теперь, а чуть раньше, аккурат перед тем, как темпоральный проект пошел вразнос.

– Значит, на самом деле тебя не подвергали неоднократному тотальному ментоскопированию? – уточнил я.

– А я похож на идиота?

– Немного, – сказал я. – Но это в пределах нормы.

– Ну и чудненько, – кивнул Холден. – Полагаю, у тебя еще много вопросов, и нам нужно обсудить наши дальнейшие планы, но я бы предпочел делать это не здесь. Так что допивай свой кофе, и пойдем прогуляемся по пляжу.

– Снаружи жарко.

² Звезда Смерти – боевая космическая станция в фильме «Звездные войны». Ее огневой мощи хватает для уничтожения целых планет.

– И поэтому там безлюдно, – согласился Холден. – Можешь считать меня параноиком, но я предпочитаю обсуждать важные дела на свежем воздухе, и чтоб прилегающие ко мне территории простреливались метров на двести в любом направлении.

– Не опасешься, что нас могут подслушать со спутника?

– Мы будем говорить по-английски, – сказал Холден, с легкостью переходя на мертвый язык. – Если ты его не забыл, конечно. А, извини, я перепутал. Ты же никогда ничего не забываешь...

Холден не ошибся.

На пляже было жарко и безлюдно, в поле зрения обнаружили только двое загорающих и один купальщик, и до каждого было куда больше двухсот метров.

Холден посмотрел на небо, словно пытался рассмотреть пролетающий над нами спутник, поправил солнцезащитные очки и расстегнул рубашу. Загар у славного наследника традиций Джеймса Бонда был по-прежнему глубокий и ровный, а под мышкой висела миниатюрная кобура скрытого ношения, из которой торчала рукоять игольника.

– Судя по тому, сколько энергии потребляет ваш корабль в стояночном режиме, операция на Тайгере-5 прошла удачно, и криокамера находится на борту, – сказал он.

– Да, и я был бы рад от нее избавиться, – ответил я. – Мне не очень нравится, что мы всюду таскаем с собой замороженный полутруп.

– Здесь все не так шоколадно, – поморщился Холден. – Собственно, поэтому я и собирався обсудить с тобой дальнейшие планы, а не проинструктировать тебя относительно наших дальнейших действий.

На эту формулировку я обратил внимание еще в баре, но тогда мне показалось, что он просто неудачно выразился. Ан нет, вселенная приготовила для меня очередную порцию неприятностей.

– Для того чтобы вывести капитана Штирнер из криостазиса, требуется специальное медицинское оборудование, которое есть всего на нескольких планетах, – начал Холден. – Но проблема в том, что ни одна независимая планета должным уровнем медицинских технологий не обладает, а путь в Альянс нам пока закрыт, ибо Визерс еще не решил свою небольшую внутреннюю проблемку с генералом Корбеном.

– Потрясающе! – фыркнул я. – И что теперь делать?

– Хорошая новость заключается в том, что Киру можно держать в таком состоянии до бесконечности. Ну или пока энергия не кончится.

– Это два очень разных срока, – не согласился я. – У нас нет денег, чтобы и дальше оплачивать аренду места на космодроме и счета за электричество. Не можем же мы запустить реактор, пока корабль находится в стояночном режиме.

– У меня есть кое-какие деньги и доступ к резервным фондам, – поведал Холден. – Я могу оплатить стоянку хоть на полгода вперед.

– Вот это действительно хорошая новость.

– Не такая она хорошая, как ты думаешь, – сказал Холден. – Пока Визерс не решил свои проблемы, люди Корбена будут искать камеру и тех ухарей, что устроили бойню на Тайгере-5. Генералы СБА очень болезненно относятся к подобным щелчкам по носу.

– Э...

– Об этом ты не подумал, – констатировал Холден. – Ты решил, что стоит тебе прилететь на Сципион-3, и ты окажешься в безопасности. Ты и ведешь себя как на курорте.

– На Тайгере-5 мы сработали чисто.

– Да, следов практически не осталось, – согласился он. – Если бы вы имели дело с какой-то сторонней конторой, найти вас было бы весьма затруднительно. Но Корбен – тоже генерал СБА. У них с Визерсом пересекающиеся сферы интересов и есть доступ к одним и тем же

источникам информации. Они находятся внутри одной и той же структуры, именно поэтому Визерс привлек для рейда тебя, человека со стороны. Круг лиц, которым можно доверять, весьма ограничен. Корбен не успел среагировать, но это не значит, что он не способен реконструировать последние события по холодным следам.

– Тебе что-то известно или это просто теории?

– Это просто теории, но готов ли ты рисковать своей жизнью для того, чтобы удостовериться, верны ли они? – поинтересовался Холден.

– Сколько у нас времени?

– Понятия не имею, а потому предпочел бы свалить отсюда как можно быстрее.

– И куда мы направимся?

Холден вздохнул и произнес:

– А вот это – большой вопрос.

– Не верю, что ты даже не попытался найти ответ.

– Я все же надеялся, что Визерс даст о себе знать, – сказал Холден. – Конечно, я старался придумать запасной план на тот случай, если у Визерса ничего не выйдет, но других мыслей, кроме того, что можно выкинуть криокамеру в вакуум и податься в пираты, в голову так и не пришло. Ты ведь и сам ничего не придумал, не так ли?

– Для каперства нам не хватит огневой мощи, – покачал головой я.

– Будем грабить туристические яхты...

Некоторое время мы брели по пляжу в молчании.

Белый песок, яркое солнце, накатывающие на берег волны и синяя водная гладь до самого горизонта... Еще вчера эта обстановка казалась мне райской, но передышка закончилась, и суровая действительность навалилась на плечи с новой силой.

Наверное, я все-таки переоценил Визерса, потому что до последнего надеялся на то, что его люди выйдут на связь и подскажут, что делать дальше. Я почему-то был уверен, что Визерс способен уладить свои проблемы с конкурирующим отделом быстро и без неприятных последствий.

По крайней мере когда он говорил об этом на борту «Устрашающего», он был уверен, что больших проблем не возникнет и все решится в скором времени.

Но Визерс был всего лишь человеком, и не исключено, что он делал хорошую мину при плохой игре. Я выполнил свою часть уговора, а вот он свою пока так и не смог.

– Какой у тебя канал связи с Визерсом? – спросил я.

– Односторонний. Он может передать мне информацию, а я ему – нет.

– Давно ты здесь?

– Чуть больше недели. Прибыл на пассажирском корабле, что несколько ограничивает мою мобильность.

– Если ты здесь больше недели, то почему объявился только сейчас?

– Я до последнего ждал новостей, – поведал Холден. – Но оговоренный срок вышел, а новостей по-прежнему нет. Я подумал, что не стоит держать тебя в неведении. Тем более что твой корабль – это самый приемлемый для меня способ обратиться с планеты.

– А почему Визерс прислал именно тебя?

– Потому что я – один из немногих людей, кому он все еще доверяет, – сказал Холден. – И я, наверное, единственный сотрудник СБА, которого ты знаешь в лицо и с которым ты имел длительные контакты. Не считая самого Визерса, разумеется.

– Звучит логично, – кивнул я. – А какого черта ты делал в Белизе двадцать первого века?

– Обеспечивал безопасность.

– Сидя на побережье и изображая из себя британского агента?

– Но ведь сработало, – хмыкнул он. – Мне кажется, в роли скучающего Джеймса Бонда я был чертовски убедителен.

– Это да, – признал я. – Как тебе удалось так вжиться в эту роль?

– Настоящий Холден приперся на темпоральную базу первым, – сказал он. – Всего через неделю после того, как мы обустроились в прошлом, и его визита никто не ожидал. Мы тогда вообще не предполагали, что придется иметь дело с аборигенами.

– Ваша база производила слишком много спецэффектов, чтобы оставаться незамеченной.

– К сожалению, обойтись без этих спецэффектов мы не могли.

– Не оправдывайся, – сказал я.

– Мы не исключали возможность нежелательных контактов с местным населением, но этот парень свалился нам на голову слишком неожиданно. Даже умудрился подстрелить кого-то из персонала, пока по нему не шарахнули парализатором.

– Брали живым? Понимаю.

– Мы подвергли его тотальному ментоскопированию и узнали все, что знал он сам, – сказал Холден. – Я две недели копался в том, что мы извлекли из его мозга.

– И что с ним стало в итоге?

– Боюсь, мы немного перестарались, – поморщился Холден.

– Сделали из него идиота?

– Нет, просто стерли всю память напрочь, вместо того чтобы изъять из нее воспоминания последних дней.

– То есть все-таки сделали из него идиота. А потом?

– Отпустили.

– В джунгли? По-моему, если бы вы его пристрелили, это было бы гуманнее.

– Его подобрали индейцы, – сказал Холден. – Какое-то отсталое бродячее племя. Индейцы с благоговением относятся к таким людям.

– Когда не едят их на обед, – сказал я. – А ты, значит, занял его место.

– Да.

– И как тебя зовут на самом деле?

– У меня было столько имен, что настоящее я уже и не помню, – сказал Холден. – То есть, конечно же, я его помню, в числе прочих, но оно имеет для меня такое же значение, как и прочие. Так что ты можешь называть меня Холденом.

– Я и так собирался называть тебя Холденом, – сказал я. – А за каким чертом тебе вообще понадобилось занимать его место?

– Из полученной от него информации нам стало ясно, что наши «спецэффекты» привлекают к себе внимание, и в первую очередь это будет внимание спецслужб, – сказал Холден. – Такая уж обстановка сложилась в этих ваших темных веках.

– У вас тут тоже обстановка не ахти, – сказал я. – Мы по крайней мере умудрились не поубивать друг друга в двадцать первом веке, иначе вас бы тут вообще не было. Так что относись к своим предкам с должным уважением.

– Как бы там ни было, нам требовалось некоторое время для того, чтобы зашвырнуть нашу станцию во времена динозавров, которые бы вряд ли обратили на нее внимание ввиду ее полной несъедобности. Визерс решил, что, если поисковые партии будут время от времени направляться в джунгли, было бы неплохо знать об этом заранее. И по возможности сделать так, чтобы нашу базу никто не обнаружил.

– Для этого ты раздавал всем советы? – уточнил я.

– Это была просто дезинформация, – сказал Холден. – Я щедро делился сведениями, при этом отчетливо давая всем понять, что сам во все это не верю и что ни у кого ни хрена не выйдет. А если уж дело доходило до вылазок в джунгли, я старался к ним присоединиться, чтобы вовремя передать очередного шпиона в руки медицинского персонала. Для коррекции памяти.

– И к чему столько геморроя? – поинтересовался я. – Не проще ли было уводить людей в джунгли и стрелять им в затылок? А дикие звери доделали бы остальное.

– Ты же сам понимаешь, агенты, вернувшиеся из джунглей и ничего не нашедшие, и агенты, пропавшие в джунглях навсегда, – это очень разные агенты, – сказал Холден. – Если бы люди стали пропадать пачками, Дядя Том вызвал бы подкрепление со своего авианосца, и они прошерстили бы там все джунгли. А если бы джунгли им мешали – залили бы их напалмом. А это уже было бы спровоцированное нами вмешательство в естественный ход истории и вообще вредно для экологии.

– Значит, когда мы подошли к базе, это ты меня вырубил?

– Да.

– Пожалуй, я не буду извиняться за то, что врезал тебе в челюсть.

– Я этого и не ждал.

– Стоп! – сказал я. – А китайцы? Китайцев ты поубивал.

– Они отказались от моих услуг и вообще рыскали по джунглям в опасной близости от охраняемого периметра, – пожал плечами Холден. – К тому же напали первыми, так что мои действия можно рассматривать как самооборону. К слову, после того как эта группа не вернулась в город, остальные китайцы полезли в джунгли с повышенным энтузиазмом.

– Их ты тоже перестрелял?

– Нет, с ними справился персонал. Справился обычными средствами, с коррекцией памяти и без крови. Я лишь вовремя предупредил ребят о возможном визите.

– Ну и каким тебе показалось прошлое? – спросил я.

– По правде говоря, мне понравилось в Белизе, – сказал Холден. – Приятное разнообразие по сравнению с тем, чем мне приходилось заниматься до этого. Тепло, море, солнце, алкоголь и сигареты, легкие наркотики и доступные женщины... Ты ж видел современную Землю? Это не самое приятное место для жизни.

– Я видел не так уж много, – признался я. – И в основном – из окна спортивного флера, который несся над городом на бешеной скорости, уходя от погони, устроенной твоими коллегами.

– А как тебе будущее? – поинтересовался Холден. – В целом?

– В целом – как и прошлое, это ваше будущее довольно погано, – сказал я. – Но жить можно. В частности. Если бы еще не война...

– Да, – согласился Холден. – Меня тоже волнуют наши перспективы. Впрочем, будем оптимистами. Существует весьма нехилая вероятность, что нас убьют раньше и до начала масштабных боевых действий мы не доживем.

Узрев Холдена и услышав известия, которые он принес, Азим, целый день изображавший бурную деятельность на борту нашего корабля, чтобы никто не заподозрил, на что именно мы тратим покупаемую энергию, тоже решил проявить капельку оптимизма.

– Потрясающе! – сказал он. – Ситуация принципиально осталась той же самой, а нам на голову свалился лишний пассажир.

– Можете взять меня в команду! – жизнерадостно предложил ему Холден. – Я буду очень полезным членом экипажа. Я неплохо стреляю, прекрасно управляюсь с автохирургом и даже могу принимать исповеди – однажды я целых три недели притворялся капелланом.

– Я мусульманин, – сказал Азим.

Холден пожал плечами:

– А я вообще атеист, так что мне это безразлично. Но это все, конечно, лирика и не имеет большого значения, потому что нам надо срочно придумать, что делать дальше. Предлагаю устроить мозговой штурм.

– Мы эти высоты сегодня целый день штурмовали, – напомнил я.

– Две головы – хорошо, а на троих соображать лучше, – не согласился Холден. – Или как-то там еще. Это древняя пословица, и я не помню ее дословно.

– «Соображать на троих» – это как бы не совсем то же самое, что и «думать», – поведал я.

– Ты должен лучше разбираться в древних пословицах, – согласился Холден. – В конце концов, ты их ровесник.

Я не стал с ним спорить, хотя, наверное, и мог бы.

– Ты агент СБА, – сказал ему Азим. – У тебя должен быть какой-то запасной вариант действий. Когда я был на службе, у нас всегда был такой запасной вариант. Ну, почти всегда.

– Особенно меня впечатлил ваш запасной вариант действий на Новой Колумбии, – сказал Холден. – Когда клан Прадеша свалился на планету, а корабль в воздух поднять так и не удалось, вы целый месяц бегали по джунглям, пока кленнонцы не прилетели и не навели порядок. Должен признать, этот ваш резервный вариант произвел на меня неизгладимое впечатление.

– Какой у тебя уровень допуска? – поинтересовался Азим.

Видимо, его, в свою очередь, впечатлила информированность Холдена.

– Почти такой же, как у самого Визерса. Говорю же, я – очень ценный сотрудник.

– И что же вы, такие умные и ценные, сами так облажались?

– Слухи о всемогуществе СБА раздуваются по большей части самими агентами СБА, ибо так нам проще работать, – пожал плечами Холден. – Но по факту мы – всего лишь люди, даже Визерс и даже я. Все мы можем ошибаться, переоценивать свои силы и недооценивать силы противника.

Раньше мне казалось, что на борту «Устрашающего» я заключил с Визерсом довольно выгодную сделку, поскольку в обмен на спасение Киры тот обещал прикрыть меня от части моих врагов. Теперь же мне так не казалось. Если в схватке генералов верх возьмет Корбен, количество моих врагов только увеличится.

Оказалось, что у меня настоящий талант в этом деле – наживать себе врагов. И если верно то утверждение, что масштаб человека определяется калибром его врагов, то я просто неимоверно крут. Асад ад-Дин, решивший принести меня в жертву своим политическим интересам, был весьма крупнокалиберным врагом, а если к нему присоединится еще и целый генерал СБА...

– Впрочем, я не склонен излишне драматизировать ситуацию, – заявил Холден. – Игра еще продолжается, хотя бы потому, что, если бы Визерс окончательно и безоговорочно проиграл, мы бы тут уже не сидели и этих разговоров бы не вели. А вели бы мы совсем другие разговоры, в не столь приятном месте и не со столь приятными людьми.

– Ты уверен, что ты сейчас не переоцениваешь наши силы, и все такое? – спросил я.

– Уверен. Но, как бы там ни было, с планеты надо валить.

– Для получения разрешения на взлет требуется всего два часа, так что с этим сложностей не возникнет, – сказал Азим. – Но куда нам следует направиться?

– Я предпочел бы какой-нибудь независимый мир, где мы не будем привлекать внимания, – сказал Холден. – Правда, тут есть одна проблема. У вас довольно редкий корабль, и он везде будет привлекать внимание, а в независимых мирах – тем более.

– И что нам даст пребывание на очередной независимой планете? – спросил я.

– Отсрочку, – ответил Холден. – Через две недели заработает мой резервный канал связи с Визерсом, и тогда я смогу предоставить вам более подробные инструкции.

– Это если Визерс к тому времени еще будет жив и в состоянии давать инструкции, – уточнил Азим.

– Ну да, – согласился Холден. – Вселенная – вообще довольно опасная штука, и от случайностей никто не застрахован.

– Мне не нравится этот план, – сказал я. – Он слишком пассивен. Отсрочка была бы хороша только в том случае, если бы мы точно знали, что Визерс возьмет верх. А это не так. Если мы будем просто тянуть время, то так и не решим ни одной из наших проблем.

– И какая же наша главная проблема?

– Не главная, а первоочередная. Кριοкамера. Пока она в активном состоянии и на борту, у нас связаны руки.

– Мы планировали ее доставку на мобильную базу ВКС «Спектрум», – сказал Холден. – Но для этого нужны полномочия генерала. Те самые полномочия, которые сейчас под вопросом.

– То есть вопрос о том, чтобы вышвырнуть кριοкамеру в вакуум, уже не стоит? – уточнил я.

– Это вариант на самый крайний случай, – сообщил Холден. – Пока еще этот самый крайний случай не настал, и я бы предпочел сохранить Кире жизнь.

– Тогда ее надо размораживать, – сказал я. – Чертова камера жрет слишком много энергии.

– Я предпочел бы не появляться на территории Альянса до тех пор, пока Визерс не уладит свои дела. Не на Веннту же нам лететь.

– Веннту... – задумчиво сказал Азим. – Этот вариант можно обдумать...

– Сразу – нет, – мгновенно отреагировал Холден. – Нечего тут обдумывать.

– Восстановление человека из криостазиса для них не проблема. Они способны решать и более сложные задачи.

– Это будет неверный тактический ход, – заспорил Холден.

– Я бы поддержал разговор, если бы кто-нибудь из вас взял на себя труд объяснить мне, о чем вы говорите, – встрял я. – Что такое Веннту?

– Единственная на данный момент независимая планета, колонизированная не людьми, а кленнонцами, – неохотно сказал Холден. – Естественно, их уровень медицинских технологий превосходит все то, что может предложить Альянс.

– Ты сказал, ни один из независимых миров не обладает нужными нам технологиями.

– Ни один из независимых *человеческих* миров и не обладает.

– Холден, мне будет очень трудно доверять тебе, если ты продолжишь утаивать от меня информацию, – сказал я.

– Веннту – это не вариант, – покачал головой Холден. – Во-первых, они потребуют за свои услуги бешеные деньги, а во-вторых, люди Корбена будут искать нас там в первую очередь.

– Ты говорил, что у тебя есть доступ к резервным фондам...

– Я не уверен, что их хватит для оплаты медицинских расходов. И потом, в данном случае меня больше не финансовый аспект беспокоит.

– Веннту далеко? – спросил я у Азима.

– Полторы недели полета.

– А если я скажу «нет»? – вкрадчиво поинтересовался Холден. – Без моих фондов вам там делать нечего.

– Ты же хочешь убратся с этой планеты? – ответил я. – Если что, Визерс тебе не простит, что ты выпустил нас из поля зрения.

– Похоже, вы намерены сделать очередную глупость, – вздохнул Холден. – Ладно, выбора у меня нет. Я с вами.

Глава 2

В «Звездных войнах» Джорджа Лукаса стоящая перед главными героями проблема решалась достаточно легко. Стоило только одному положительному персонажу рубануть главного злодея световой пашкой, а другому – взорвать главную боевую станцию противника, как власти темной империи ситхов пришел конец, и в галактике настало торжество демократии, возрождение республики и полное народное ликование. Но там и схема противостояния была не самая сложная: империя против повстанцев, ситхи против джедаев...

В существующей, а не придуманной Голливудом реальности дела обстояли куда запутаннее.

Трехсторонний конфликт Альянса, Империи и Гегемонии осложнялся наличием четвертой силы – неких странных типов, которых скаари называют «другими», а Визерс – регрессорами и об истинной цели и намерениях которых никто не имеет даже отдаленного представления. Человечество и скаари по уши погрязли в межведомственных конфликтах и клановых разборках, да и у кленнонцев, насколько я мог судить, во внутренней политике все было не так уж гладко.

Попробуй разобраться, где тут светлая сторона силы, с кем биться спина к спине, а кого рубить световым мечом. Ах да, световых мечей тут нету, зато есть силовые. Тоже жутко редкая, сложная в изготовлении и дорогая штукавина, жаль только, что у этих мечей лезвие не светится синим, зеленым или красным цветом, позволяющим определить, на чьей стороне бьется его владелец³.

В жизни почему-то всегда все сложнее, чем в кино, и нет никаких гарантий, что дело подобрется к хеппи-энду.

Еще меня очень смущала фигура Холдена.

С одной стороны, я был даже рад его присутствию. Этот тип имел отношение к двадцать первому веку, из которого я пришел, был ниточкой, связывающей меня с прошлым. Волей-неволей он оказался человеком, с которым у меня было много общего. Он был знаком с реалиями моего времени и даже понимал часть моих шуток, а это немаловажно...

С другой стороны, теперь это все-таки был не совсем тот Холден, которого я знал по Белизу. Все в очередной раз усложнилось.

В Белизе Холден был агентом британской МИ-6, скучающим аристократом и плейбоем, пытающимся решить нерешаемую задачу, взваленную на него его начальством. Тот Холден был достаточно прост для понимания и казался вполне приятным парнем.

Новый Холден тоже казался вполне приятным парнем, но ключевое слово тут «казался», а вовсе не «приятный», как это было раньше, и понять, кто он такой, было гораздо сложнее.

За исключением его собственных слов не существовало ни одного доказательства, что он работает на СБА, а Визерс является его непосредственным начальником. Да, он обладал исчерпывающей информацией о нашей миссии на Тайгере-5, и в целом его история, если и не казалась логичной, вполне вписывалась в тот хаос, что творился вокруг меня в последние годы, но это все косвенные улики. Еще на космической станции «Гамма-74-К» Визерс показывал мне фотографию Холдена в качестве одного из подозреваемых по делу Феникса, и правдоподобного объяснения этому факту я так и не нашел. Холден стал очередной частью гололомок, но полностью не вписывался ни в один готовый фрагмент.

– Ты ему доверяешь? – спросил у меня Азим в ночь перед отлетом со Сципиона-3.

³ Алекс все еще проводит аналогии со «Звездными войнами». В фильме мечи рыцарей-джедаев светились синим и зеленым цветами, мечи их противников с темной стороны силы – ситхов – были красными.

Мы сидели в бунгало и упаковывали наши немногочисленные пожитки, а Холден отправился в свой отель с аналогичными целями, так что мы могли говорить свободно.

– Нет, – сказал я.

– Это хорошо, потому что я тоже ему не доверяю, – сказал Азим.

– Но он нам нужен, – сказал я. – Без его денег мы не сможем реанимировать Киру, к тому же он – единственный наш канал связи с Визерсом.

– Который, вполне возможно, уже арестован за измену интересам Альянса или мертв.

– Мы будем держать это в уме, но действовать лучше, исходя из того факта, что Визерс жив и выйдет на связь, – сказал я. – Потому что это пока единственный шанс разгрести наши проблемы.

– Нам нужен резервный план, – сказал Азим. – Все наши проблемы от того, что у нас нет резервного плана.

– Податься в пираты никогда не поздно, – утешил его я. – У нас есть корабль, а значит, у нас есть мобильность. В наше беспокойное время это дорогого стоит, и далеко не каждый может позволить себе подобную роскошь.

– Далеко не за каждым охотятся лучшие спецслужбы человечества, – фыркнул Азим.

– Зато можно делать ставки на то, кто достанет нас первым, Корбен или Асад, – сказал я.

– Юмор висельников. Поначалу свежо, но потом приедается, – констатировал тот и ушел в свою комнату.

Отлет со Сципиона-3 прошел безо всяких осложнений, что не могло не радовать и являлось приятным исключением в событиях последнего времени, когда от приключений было не продохнуть.

Мне стали нравиться планеты, на которых никто ни разу не попытался меня убить, и я надеялся, что и Веннту окажется такой же, несмотря на мрачные предсказания Холдена.

Холден очень не хотел лететь на Веннту. То ли он не любил кленнонцев, то ли всерьез опасался, что нас там будет ожидать засада, организованная людьми генерала Корбена. Собственно говоря, глупо было бы сбрасывать со счетов такую возможность, но я твердо решил, что дело спасения капитана ВКС Киры Штирнер нужно довести до конца. Иначе рейд на Тайгер-5, где я рисковал жизнью и чуть не сыграл в ящик, лишился бы всякого смысла.

Услышав эти рассуждения, Холден презрительно фыркнул, обозвал меня спасающим деву рыцарем, действующим благородно в ущерб своим собственным интересам, но в чем заключаются мои интересы – не объяснил и активно возражать уже не стал. Азим проложил курс, и мы совершили первый гиперпереход по направлению к Веннту.

Веннту была уникальной планетой.

Как я уже говорил, это был единственный независимый мир, колонизированный выходцами из Кленнонской Империи, долго и кроваво боровшийся за свою независимость от этой самой Империи и в итоге сумевший ее отстоять. С тех пор туда стекались кленнонцы, которые были не в восторге от монархического строя, – всяческие диссиденты, ренегаты, а также просто любители царящей на фронтах романтики. Почему Империя до сих пор терпит существование такого мира, оставалось для меня загадкой.

Холден сидел в тесной кают-компании «Ястреба», пил виски из корабельного бара и лениво листал лежавшую у него на коленях электронную книгу. При моем появлении он одним глотком осушил свою посуду и налил еще.

– Накачиваешься в одиночестве? – поинтересовался я.

– Морально готовлюсь к разговору, – сказал Холден. – Я ведь на борту судна, капитаном которого ты числишься, следовательно, мы уже не в том положении, что на Сципионе, где мы были как бы на равных, и, следовательно, у меня не получится избежать твоих нудных вопросов и всяческих подозрений. А поскольку подобные разговоры нагоняют на меня тоску, я решил

подготовиться. Теперь скажи мне, что я не прав и ты вовсе не жаждешь обсудить со мной что-нибудь животрепещущее. Тогда я извинюсь и протрезвею волевым усилием.

– Ты прав, – сказал я.

– Ну а как же, – сказал Холден и глотнул виски из новой порции. – Полагаю, ты хочешь поговорить о Корбене, Визерсе и о том, что они не поделили.

– И об этом тоже, – сказал я, усаживаясь в кресло. – Но сначала расскажи мне о Фениксе.

– Он психопат, – сказал Холден, ничуть не удивившись теме беседы или же не подав виду. – Террорист-одиночка, это все знают.

– Так расскажи мне о том, чего все *не* знают.

– Информации не так уж много. СБА несколько раз пыталась его прищучить и даже считала пару таких попыток вполне удачными, но Феникс каждый раз воскресал из пепла и учинял очередное непотребство.

– А подробности?

– Они мне неизвестны, – развел руками Холден. – Ты же знаешь принцип Визерса, согласно которому каждый должен обладать только той информацией, которая нужна ему для дела, а я делом Феникса не занимался.

– Визерс намекал мне, что Феникс может оказаться не совсем человеком.

– Есть такая теория, – согласился Холден. – Впрочем, в недрах научного отдела СБА существует множество безумных теорий, часть из которых при проверке так и оказываются на самом деле безумными. Версия нечеловеческого происхождения Феникса удачно вписывается в теорию о регрессорах, в которую я лично не очень-то и верю. Я думаю, что все проще: Феникс – просто удачливый сукин сын. Может быть, генетически улучшенный в лабораториях Кленнона, но не имеющий никакого отношения к иным цивилизациям. Плоть от плоти нашего безумного мира, я бы сказал.

– Значит, в регрессоров ты не веришь?

– Сверхцивилизация, которая тормозит прогресс одних развивающихся рас для того, чтобы дать шанс другим развивающимся расам? Это научная фантастика.

– Мне тут порой вообще все кажется научной фантастикой.

– Это потому что ты – вылезший из прошлого дикарь, – объяснил Холден. – Ты угодил в дивный новый мир и удивляешься всему, что видишь, или же не удивляешься ничему, потому что у тебя культурный шок. Но я-то в этом мире вырос, и существование регрессоров в мою картину не укладывается. К тому же нет ни единого доказательства их вмешательства в нашу историю, кроме как за уши притянутой теории о Войне Регресса, благодаря которой земная цивилизация не смогла задавить кленнонцев в зародыше.

– А корабль-разрушитель, который уничтожил половину боевого флота скаари, благодаря чему Гегемония не смогла задавить в зародыше земную цивилизацию?

– Кто-то может усмотреть здесь параллели с Войной Регресса, – согласился Холден. – Но лично я их не вижу. Хотя бы потому, что космос велик, история его насчитывает много тысячелетий, и за это время успело произойти довольно много событий, которые при взгляде отсюда могут нам показаться системными. Это еще не значит, что они на самом деле являются таковыми. Война Регресса запросто объясняется и без вмешательства в человеческую историю иной расы, а разрушитель скаари мог взяться откуда угодно. Если он вообще был, а не является частью их легенд.

– Визерс верит в регрессоров, – сказал я.

– Визерс заикнулся на идее четвертой силы, которая вмешается в расклад и изменит баланс, поэтому зачастую он склонен видеть закономерности там, где их нет, – сказал Холден. – У этой идеи не слишком много сторонников, и я не являюсь одним из них.

– Визерс считает, что в нынешнем раскладе у Альянса нет шансов.

– В нынешнем раскладе шансов нет ни у кого, – хмыкнул Холден. – Но расклады – штука непостоянная, знаешь ли. Расклады меняются, и первый, кто изобретет абсолютное оружие или что-то на него похожее, сразу изменит расклад в свою пользу.

– Значит, в абсолютное оружие ты веришь?

– По крайней мере чуть больше, чем в регрессоров. Нашим абсолютным оружием должен был стать темпоральный проект, но, как ты знаешь, что-то пошло не так. Кстати, если регрессоры существуют, это явно их происки. Существование абсолютного оружия не вписывается в их планы.

– Ты потрясающе логичен, – вздохнул я. – Сначала отрицаешь существование регрессоров, а потом рассуждаешь об их планах.

– Если я во что-то не верю, это не мешает мне построить теоретическую модель, – заявил Холден. – Теоретически я могу допустить и существование регрессоров, и их вмешательство в естественный ход истории. Теоретически я вообще все, что угодно, могу допустить, особенно если я пьян. А сейчас я уже почти дошел до нужного состояния.

– Ну и какие у них планы в рамках твоей теоретической модели?

– Рассуди сам, сначала они притормозили скаари, чтобы дать шанс нам, потом они притормозили нас, чтобы дать шанс кленнонцам, – ответил Холден. – На выходе получилось то, что мы имеем сейчас, – в одном секторе галактики находятся три расы, стоящие на одной ступени развития и обладающие технологиями одного порядка. У кого-то чуть лучше, у кого-то чуть хуже, но решающим превосходством не обладает никто. В этой схеме нет места для абсолютного оружия, не так ли?

– Если только допустить, что они вели именно к этой ситуации, – уточнил я. – Но ведь вполне возможно, что конечного результата они еще не достигли.

– Если так рассуждать, то можно дотеоретизироваться до каких угодно выводов, – сказал Холден. – Теории имеют смысл, если они хоть что-то объясняют. В противном случае это пустые умствования, от которых нет никакой пользы. Только время ими убивать. И кстати, тогда Феникс в расклады ни черта не вписывается, ибо он раскачивает то хрупкое равновесие, которое установилось в Секторе Исследованного Космоса, а следовательно, играет против регрессоров. Потому что мне сложно представить себе ребят, которые столько времени потратили для того, чтобы выстроить равновесие, а потом сами же решили его нарушить. Это противоречит логике и вообще довольно тупо.

– Они – не люди, – напомнил я. – Они могут руководствоваться другой логикой.

– Не существует никакой другой логики, – возразил Холден. – Логика кленнонцев или скаари ничем не отличается от логики людей.

– Ты, часом, не антропоцентрист?⁴

– Не исключаю такой возможности.

– Наверное, сложно быть антропоцентристом в мире, в котором помимо человека существуют и иные расы?

– Может быть, таким образом мироздание проверяет антропоцентристов на прочность? – заявил Холден, вливая в себя очередную порцию виски. – Кленнонцы, по сути, те же люди, так что из иных рас мы имеем только скаари, да и они не слишком от нас отличаются. Ну если не принимать во внимание тот факт, что они произошли от динозавров, а не от обезьян. Но мотивы и модели поведения у них такие же. Собственно, мы потому и воюем, что так похожи друг на друга.

– А теперь ты уже можешь поведать мне о сути разногласий Визерса с Корбенем, – сказал я. – Которые тоже похожи друг на друга, хотя бы потому, что принадлежат к одному биологическому виду и оба являются генералами СБА.

⁴ Антропоцентризм – воззрение, согласно которому человек есть центр и высшая цель мироздания.

– Ага, от обсуждения глобальных проблем мы таки перешли к обсуждению проблем частных, – констатировал Холден. – Значит, мне нужно выпить.

– Ты и так выпил достаточно.

– Я так не думаю, – не согласился Холден и схватился за бутылку. – А мое мнение в данной ситуации является для меня решающим.

– Вообще-то я – капитан этого корабля.

– Зато у меня есть деньги, которые нужны тебе для того, чтобы довести твою спасательную операцию до логического конца, – напомнил Холден.

– Пребывание в прошлом не пошло тебе на пользу, – заметил я. – После всех существующих в Альянсе ограничений ты пустился во все тяжкие и до сих пор не можешь выйти из пике.

– Я пробовал алкоголь и до этого, – сказал Холден. – Я все же оперативный агент, знаешь ли, а оперативные агенты действуют и за пределами Альянса.

– Оперативные агенты вообще не должны пить. Или по крайней мере не должны пьянеть, – сказал я.

– Я не хочу разговаривать об оперативных агентах, – скривился Холден.

– Тогда расскажи мне о ваших генералах.

– Несколько десятилетий назад начали рождаться странные дети, – сказал Холден. – Ну не то чтобы странные, но отличающиеся от других детей. Повышенная сила, выносливость, скорость реакции, слабые способности к телепатии и телепортации мелких предметов... Нет, все-таки странные... Конечно, если верить статистике, такие дети рождались всегда, в двадцать первом веке их называли детьми маренго или что-то вроде того.

– Индиго, – подсказал я. – Дети индиго. Поколение гениев, которое так и не состоялось.

– Точно, – согласился Холден. – Но это оно у вас не состоялось, а у нас в последние годы их стало слишком уж много, и способности некоторых из них разительно отличались от способностей обычных людей, и эту разницу уже нельзя было списывать на простую статистическую погрешность. Поскольку большая часть таких детей рождалась вне пределов Солнечной системы, сначала наши ученые предположили, что все дело в мутациях, обусловленных условиями на планетах проживания, но потом, когда случаи перестали быть единичными, выдвинули теорию о выходе человечества на новый виток эволюции. Хотя в принципе одно другому не противоречит, и эволюция является сохранением набора устойчивых положительных мутаций... А поскольку все мы уже довольно долгое время живем в ожидании большой войны, нет ничего удивительного, что встал вопрос о том, какую пользу эти дети могут принести человечеству в суровых условиях военного времени. И вот тут оказалось, что два генерала СБА имеют разные взгляды на эту проблему.

– А тебе не кажется, что внутренний конфликт в СБА на пороге войны может быть фатален для всего Альянса? – поинтересовался я.

– Кажется, – согласился Холден. – Поэтому я надеюсь, что Визерс решит проблему в ближайшее время и конфликт будет исчерпан.

– В связи с гибелью одной из сторон?

– Как показывает практика, это и есть лучший способ урегулирования конфликтных ситуаций. Если бы ты попал в руки Корбена, он бы разобрал тебя на запчасти. Ты все еще ему сочувствуешь?

– Я не сочувствую, а просто пытаюсь посмотреть на ситуацию с его стороны.

– Глаза не сломай, – порекомендовал Холден. – Кленнонцы практикуют генную инженерию уже несколько веков, так что переиграть их на этом поле весьма проблематично.

– А у них тоже появлялись люди с устойчивыми мутациями?

– Сложно судить, – пожал плечами Холден. – Среднестатистический кленнонец сильнее, выносливее и быстрее среднестатистического человека и вообще превосходит его по всем

физическим параметрам, кроме роста. Что же касается начинки, то все зыбко. Тесты IQ выдают примерно одинаковые результаты.

– Но, насколько я понимаю, Корбен собирался переиграть кленнонцев, делая ставку отнюдь не на физические параметры.

– Да, но ему ни разу не удалось добиться стабильного результата, – сказал Холден. – Пока никто так и не понял, где надо искать источник способностей людей индиго. Например, ты загодя чувствуешь опасность и обладаешь фотографической памятью, а мы так и не знаем почему, и не факт, что узнали бы и после вскрытия твоего брэнного тела. Поэтому Визерс считает, что таких людей надо использовать «как есть», подбирая для них индивидуальное поле деятельности, где они могут проявить свои способности по максимуму. А Корбен мечтает собрать все мутации в одном месте и вывести сверхлюдей и суперсолдат, что весьма сомнительно и вообще непонятно, к чему может привести.

– Если отбросить личные факторы, то с точки зрения долговременной стратегии Корбен может оказаться прав, – сказал я. – Одиночки, сколь бы талантливы они ни были, войн не выигрывают.

– Люди вообще не выигрывают космических войн, – напомнил Холден. – Их выигрывают большие военные корабли, орбитальные бомбардировки и... пожалуй, и все. Больших кораблей и орбитальных бомбардировок раньше всегда хватало.

– Кораблями тоже кто-то должен управлять.

– Не пытайся выглядеть глупее, чем ты есть, Алекс, – сказал Холден. – «Ястреб» – хороший для своего класса корабль, Азим – хороший пилот, я – хороший стрелок, а ты – вообще уникальный тип, способный предугадывать опасность, но если сейчас нам на голову свалится линейный крейсер Альянса, то значение будет иметь только размер и боевая мощь. Помнишь Дядю Тома и его авианосец?

– Тогда победят скаари.

– Если сумеют договориться и выступить единым фронтом, то вполне возможно. Только в это объединение мало кто верит, в том числе и сами скаари.

– А во что веришь лично ты, Холден?

Перед тем как ответить, Холден налил себе еще виски и сделал большой глоток.

– Я верю, что этот мир безумен, – сказал он. – Я верю, что мне не доведется умереть от старости. Я верю, что так и не узнаю, чем закончится эта война, и не могу сказать, что это меня огорчает, потому что ничем хорошим она все равно не закончится. Я верю в то, что вселенная велика и пустынна, и что разумная жизнь в ней – всего лишь небольшое отклонение от нормы, и что рано или поздно, как бы мы ни барахтались, вселенная все равно возьмет свое и останется такой же великой и пустынной, какой была до нашего появления.

– И как тебе живется с такой философией?

– В разные периоды времени – по-разному, – ответил Холден. – Я часто думаю о том, что мог бы дожить до старости только в том случае, если бы остался в твоём времени. Никаких глобальных катаклизмов, войны только локальные... Конечно, там хватало своих угроз, но ничего такого, с чем можно было бы сравнить нынешнее положение дел. Ты не жалеешь, что попал сюда, Алекс? Не думаешь о том, как сложилась бы твоя жизнь, если бы ты остался там?

– Не вижу смысла задаваться такими вопросами. Если бы у бабушки были сопла, это была бы уже не бабушка, а ракета.

– Поиски смысла – это самое бесполезное занятие из возможных, – заявил Холден. – Сравнить с ними можно только поиски мифической четвертой силы, в которую верит Визерс.

– В Белизе ты был веселее, – заметил я.

– В Белизе у меня было гораздо больше будущего...

Глава 3

В жизни почти каждого человека должен наступить момент, когда ему стоит остановиться, изумленно оглядеться по сторонам и наконец-то задать себе вопрос, что и когда в его жизни пошло не туда, если сейчас он имеет то, что имеет, – и наконец осознать, что вот это коричневое море, подступающее к нему со всех сторон, является отнюдь не шоколадным.

Не самый приятный момент, особенно когда приходит понимание, что ответственность за большую часть ошибок свалить все равно не на кого и с этим грузом придется как-то жить дальше.

Судя по всему, для Холдена этот момент наступил во время нашего полета на Веннту. Он много пил, сутками не выходил из своей каюты, а когда выходил, был мрачен, резок, циничен и пророчил нам всем скорую гибель. Я уже начал беспокоиться, что в итоге он допьется до белой горячки и окончательно слетит с катушек, и тогда наше и без того не слишком радостное положение омрачится новой порцией проблем. А уж в том, что действующий агент СБА может доставить такие проблемы, я не сомневался. И вдруг Холден перестал пить, хотя и остался нелюдимым, циничным, мрачным и резким.

За два дня до конца полета он ввалился в кают-компанию во время обеда и заявил, что у нас с Азимом есть последний шанс проявить благоразумие и изменить курс, направив корабль в какое-нибудь более безопасное место.

– До Веннту осталось три прыжка, – сообщил ему Азим, не поднимая взгляда от своей тарелки.

– Вот именно, – согласился Холден. – Самое время для того, чтобы внять доводам разума.

– Если тебе не нравится курс, ты можешь сойти с корабля в любой момент, – предложил Азим. – Благо у нас есть небольшой запас аварийных скафандров, и одним мы вполне можем пожертвовать. Во имя улучшения атмосферы на корабле, так сказать.

– Это, наверное, сейчас был юмор? – поинтересовался Холден. – Прости, приятель, я в последнее время не слишком хорошо различаю юмор.

– Для полевого агента СБА ты слишком нервный, – заметил я.

– Бывают спокойные полевые агенты СБА, – согласился Холден. – Бывают живые полевые агенты СБА. Но никто не может похвастаться тем, что видел одновременно спокойного и живого полевого агента СБА. Как только ты перестаешь нервничать и трястись за свою жизнь, тут тебе и крышка.

– Тогда нервничай дальше. Риск – это твоя профессия, не так ли?

– Риск, смею заметить, бывает разный, – сообщил Холден. – И сейчас он неоправдан.

– Чем тебе так не нравится Веннту?

– А того, что эта планета является самым очевидным пунктом нашего маршрута и там нас почти наверняка ожидает засада, тебе мало?

– Последнее время меня так часто пытались убить, что я перестал обращать внимание на такие мелочи.

– Ну да, конечно, – фыркнул Холден. – К тому же тебя хранит твое шестое чувство, и тебе плевать, что люди вокруг тебя мрут как мухи.

Азим деликатно кашлянул, напоминая Холдену, что он еще жив.

– Это временно, – заверил его Холден.

– Да отсохнет твой лживый язык, – добродушно пожелал Азим и вернулся к прерванной трапезе.

– Нет, серьезно, – не унимался Холден. – Алекс, неужто ты не замечал повышенной смертности среди своих знакомых? Начиная с тренировочного лагеря, когда ты прыгнул обратно в траншею, а весь твой взвод poleg под огнем автомата со сбившейся настройкой?

– Это была отработка маневра в условиях, приближенных к боевым, – напомнил я. – Армия – это вообще довольно опасное место, Холден. Ты мне еще Новую Колумбию припомни.

– Я лучше тебе космическую станцию припомню, – хмыкнул он. – И милый приют одного пиратского барона.

– А часовню тоже я развалил? – После всех обвинений Холдена мне вспомнилась старая шутка, которая была бородатой уже в далеком двадцатом веке, когда я и услышал ее впервые. – Тебе не кажется, что ты слегка передергиваешь факты?

– Нет, это твои способности внушают тебе ложное чувство безопасности, – заспорил агент. – И ты готов лезть в засаду, увлекая за собой людей, у которых твоих способностей нет.

– Если тебя так пугают Корбен и его ребята, какого черта ты вообще полетел с нами? – поинтересовался я. – Ты мог бы остаться на Сципионе-3 и купить себе билет на какой-нибудь пассажирский корабль, летящий в место, которое ты счел бы достаточно безопасным.

– Мой служебный долг призывает меня быть рядом с вами, – патетически провозгласил он. – Но это еще не значит, что я не должен попытаться отговорить вас от того безумия, которое вы затеяли.

– Веннту – независимый мир, населенный в основном кленнонцами, – сказал Азим. – Это означает, что СБА не сможет развернуться там во всей красе.

– То есть это вы мне будете рассказывать, что СБА сможет, а чего нет? – удивился Холден. – Ну да, в планетарных масштабах, как могло бы быть в любом из миров Альянса, за нами охотиться не станут, однако даже на независимой планете СБА способна выставить против нас от пяти до двадцати с лишним профессионалов. И, ребята, эффекта внезапности, который так помог вам на Тайгере-5, у нас уже нет. На Веннту нас почти наверняка ждет засада.

– Но мы тоже знаем, что она есть, – сказал я. – Так что эффекта внезапности нет и у них, и условия примерно равные.

Холден вздохнул и театрально закатил глаза. Нет, все-таки в Белизе он мне нравился куда больше. Последнее, чего я мог ожидать от оперативного агента СБА, так это то, что он станет устраивать истерики.

Впрочем, истерику Холден устраивать не стал. Ограничился тяжелым вздохом.

– Вы, парни, все же кое-чего не понимаете, – заявил он. – Даже если бы за нами не охотились ребята Корбена, Веннту является последним из независимых миров, куда я бы хотел отправиться при текущей политической обстановке.

– То есть?

– Все это чертовски долгое время Веннту была бельмом на глазу для Империи, – сообщил Холден. – В мирное время существовала куча пактов, секретных соглашений и негласных договоренностей, которые мешали имперцам сполна рассчитаться с мятежниками. Но сейчас-то императора Таррена никто и ничто не остановит.

– Это отвлеченная теория, или тебе известно что-то конкретное?

– Плана наступления у меня нет, – признался Холден. – Но Веннту является одной из первоочередных целей, и визит имперского флота в локальное пространство планеты – это только вопрос времени.

– Прогнозы тебе известны?

– Нет. Но это довольно слабый аргумент в пользу того, чтобы пренебречь моими соображениями. Веннту – это очень опасное место.

– Сейчас в галактике нет безопасных мест.

– Но есть менее опасные.

– Веннту – это единственное место, где капитану Штирнер могут оказать помощь.

– У капитана Штирнер полно времени в запасе. В этом морозильнике продукты не портятся.

– Что конкретно ты предлагаешь?

– Отправиться в любое менее опасное место, – сказал Холден. – Какое-то время ничего не предпринимать, затаиться и ждать.

– Чего именно ждать? Эскалации конфликта, когда война перетечет из маневренной фазы в активную и планеты начнут гореть одна за одной?

– Ты так говоришь, как будто мы своими действиями можем на это повлиять, – сказал Холден. – Предотвратить или хотя бы оттянуть этот момент во времени.

– Визерс говорил...

– Твоя ошибка в том, что ты строишь свои планы, исходя из того соображения, что Визерс жив и все еще генерал СБА, – заметил Холден. – А это, между прочим, не факт. Он уже может быть мертв или выведен из игры каким-либо другим способом.

– Он прав, – заметил Азим. – Нехорошо, что наши дальнейшие действия настолько зависят от того, на что мы никак не способны повлиять.

Получив поддержку со стороны неожиданного союзника, Холден воодушевился и призвал меня пораскинуть мозгами еще раз, благо наш корабль пока не вошел в локальное пространство Веннту и находится от него на расстоянии трех прыжков.

Я готов был признать, что решение лететь на Веннту в сложившихся обстоятельствах являлось не самым удачным решением. Проблема только в том, что все остальные ходы еще хуже.

Все это время, начиная с того самого момента, когда мы с Азимом встретились на космической станции «Гамма-74-К» и события там пошли вразнос, мы только и делали, что реагировали на чужие действия, и вектор нашего движения был задан обстоятельствами.

Если послушать Холдена и сделать так, как он предлагает, мы снова выключим себя из происходящего до тех пор, пока опять что-то не произойдет, и тогда нам снова нужно будет прогигаться под обстоятельства.

На Веннту может быть опасно. Но по крайней мере решение отправиться туда я приму сам, без всякого давления со стороны. Или даже вопреки ему.

– Это самая глупая мотивация из всех, что мне доводилось слышать, – заявил Холден, когда я изложил ему эту часть результатов по раскидыванию мозгами.

– У нас проблемы, – напомнил я. – Если мы будем сидеть ровно, нам к решению этих проблем даже на пушечный выстрел не подойти.

– И при этом ты намерен идти вслепую, даже не предполагая, куда приведет тебя твой следующий ход.

– На Веннту.

– А потом?

– Это будет зависеть от...

– Вот именно, – сказал Холден. – Это все равно будет зависеть. Выйти за рамки предложенных нам обстоятельств невозможно, так давай попробуем рассуждать здраво?

– Валяй, пробуй.

– Визерс поручил вам отнюдь не спасение девушки, – сказал Холден. – Он поручил вам отбить у врага криокамеру с ценным содержимым, и вы это сделали. То есть с этой стороны у вас больше нет никаких обязательств.

– Разве разморозка капитана Штирнер не является следующим логичным ходом? – поинтересовался я.

– Является, – согласился Холден. – Но только в том случае, если Визерс по-прежнему в игре, что нам наверняка неизвестно.

– Я предлагаю действовать так, будто нам это известно наверняка, – сказал я. – Потому что при всех других раскладах нам конец.

– Да, если мы будем продолжать играть так, как ты предлагаешь. Мои фонды не безграничны, а вывод человека из криостазиса и последующий курс реабилитации стоят дорого, –

сказал Холден. – Фактически после этого мои фонды будут исчерпаны, и мы останемся на мели. Зато вчетвером. Едва ли это решит хоть какую-то из наших проблем.

– Но это будет правильный поступок.

– Правильный? – переспросил Холден. – Мы не в рыцарском романе, Алекс. Ты взял на себя обязательства по спасению попавшей в беду девы, и мне понятно твое намерение довести дело до конца, но в стратегическом плане нам это ничего не даст. Да, капитан Штирнер – потрясающий пилот, возможно, лучший из всех, с кем мне доводилось летать, но что нам с этого? Она поможет нам улететь от ребят Корбена? От других неприятностей? Ты помнишь о том, сколько у тебя врагов, Алекс? Визерс был единственной преградой, способной встать между тобой и твоим названным папочкой, который ныне жаждет твоей крови. В отсутствие Визерса эта проблема снова упадет на твою голову.

– А что мы выиграем, если не отправимся на Веннту и оставим капитана Штирнер в стагнэсе?

– Время, – сказал Холден. – Мои деньги – это стратегический запас, и если мы не потратим их на Веннту, это позволит нам протянуть лишнюю пару лет.

– Допустим, – сказал я. – Но вот лишняя пара лет прошла, Визерс так и не объявился, и что мы делаем дальше?

– У нас будет пара лет на планирование. Пара лет, а не пара недель, как сейчас.

– Мир рушится, – вставил Азим. – Эта галактика станет совершенно другой уже через год, если не раньше.

– И что?

– У нас все равно не получится отсидеться на периферии, – пояснил Азим. – Это не тот кризис, который можно переждать, спрятав голову в песок и надеясь, что пронесет. Последствия затронут всех.

– Взрыв лучше всего наблюдать, находясь подальше от эпицентра, – возразил Холден. – Мы сейчас в той ситуации, когда ничего нельзя знать наверняка. Время может сыграть нам на руку – не факт, что тот же Калифат протянет столько, и вопрос с Асадом ад-Дином станет несущественным. Это я в качестве примера.

– И что потом? – спросил я. – Прыгать с планеты на планету, уходя от очередной волны вторжения?

– Самая удачная долговременная стратегия, кстати, – кивнул Холден. – Девяносто девять процентов населения галактики не могут себе этого позволить, а мы – можем.

– До тех пор, пока где-нибудь не реквизируют наш корабль.

– Ну, я не отрицаю, что нам потребуется определенный элемент везения...

– Сколько мы так можем протянуть?

– Если определенный элемент везения таки будет нам сопутствовать, то до самой старости.

– И что это будет за жизнь?

– Это философский вопрос, – сказал Холден. – Предполагается, что каждый должен найти на него собственный ответ, и все такое. Лично я на него ответил уже давно: долгая жизнь лучше скорой смерти. Даже если для того, чтобы прожить долго, потребуется себя кое в чем ограничить.

– Это чушь, – сказал я. – В долговременной перспективе...

– В долговременной перспективе мы все умрем, – отрезал Холден. – И это знание никак не поможет нам принять правильное решение уже сейчас.

– Существует теория, что если человек не способен выбрать одно решение из множества, ему стоит выбрать то, которое будет наиболее верным с точки зрения этики.

– Дурацкая теория.

– С точки зрения этики самым правильным будет отправиться на Веннту и вернуть капитана Штирнер к жизни.

– Я же говорю, что это дурацкая теория.

– Может быть, и так, но это единственное, что мы можем предпринять, – сказал я. – Все остальное – это выбор между несколькими вариантами бездействия. А мир тем временем все еще рушится.

– Ладно, – сказал Холден. – Закроем этот вопрос. Но когда из-за этого решения нас всех убьют, я оставляю за собой право на злорадство и реплики в стиле «а я же вам говорил, а вы не слушали».

– Полагаю, это будет справедливо.

Как ни неприятно мне это было признавать, отчасти Холден был прав.

Мы лезли в ловушку, и от того, что мы лезли в нее с открытыми глазами, ситуация не становилась менее опасной. Однако я все же считал, что иного выбора у нас нет.

Бежать и прятаться – это не вариант, учитывая, какого масштаба фигуры нам противостоят. Как сказал мне повелитель мертвой планеты Кридон, такие, как я, не могут просто отстраниться от происходящего, потому что через какое-то время происходящее все равно придет за нами.

Визерс считал, что Кридон ошибается на мой счет. Однако события последних дней показали, что и сам Визерс отнюдь не является непогрешимым, так что ошибаться вполне мог и он.

А истина где-то рядом. Или ее и вовсе тут нет.

Полагаю, я уже ничему не удивлюсь. После того как я встретил здесь Холдена, вселенной придется изрядно попотеть для того, чтобы произвести на меня впечатление. И времени у нее осталось не так уж много. Мир рушится. Скоро мы все будем погребены под обломками.

Мне было трудно поверить в то, что Холден прав насчет Визерса и генерал СБА проиграл свою схватку. То есть разумом я вполне допускал такую возможность, но верить в это мне все равно не хотелось. Визерс, его хитрость, двуличность и постоянные интриги, которые он плел, стали для меня константой, неотъемлемой частью окружающего меня мира. Визерс всегда знал, что он делает. Визерс верил, что войну все-таки можно выиграть, и человечество не исчезнет с лица галактики. У Визерса всегда был план, и я на этот план сильно рассчитывал. Всегда хочется верить, что у тебя за спиной стоит кто-то сильный и мудрый, кто придет тебе на помощь в критической ситуации, сумеет объяснить, какого дьявола тут происходит, и посоветует, что делать дальше. Кто-то, кто знает, как надо. Или хотя бы думает, что знает. В полном сумбуре сегодняшнего времени это уже немаловажно.

Без Визерса наша деятельность, начиная с операции на Тайгере-5, попросту теряла смысл.

Глава 4

У Веннту была довольно мощная орбитальная защита. Не такая надежная, как у Леванта, но гораздо лучше, чем у любого мира Альянса, не считая планет Солнечной системы. Впрочем, это и неудивительно, если вспомнить, как именно эта планета добилась статуса независимого мира. Для этого Веннту понадобилось семьдесят с лишним лет, восстание, две войны, длительная экономическая блокада... И миллионы заплатили за это своими жизнями.

В общем, ничего принципиально нового.

Доступ в атмосферу Веннту для чужих космических кораблей был ограничен и в более спокойные времена, сейчас же посадить корабль на поверхность и вовсе не было никаких шансов. Мы состыковали «Ястреб» с одной из многочисленных орбитальных станций, находящихся между внешней и внутренней сферами планетарной обороны.

Следующие три дня мы потратили на сбор информации и первичные переговоры с медицинскими учреждениями Веннту. Цены на лечение тут оказались поистине грабительскими, что в принципе тоже неудивительно, поскольку де-факто веннтунианцы обладали в данном Секторе космоса монополией на целый ряд медицинских услуг.

Переговорами занимался Холден, как держатель наших фондов и человек, чьей работой всегда было улаживание различных вопросов в самых отдаленных уголках галактики. Включая очень щекотливые вопросы и действительно удаленные уголки.

И это пошло ему на пользу.

Занявшись делом, он полностью отринул напавшую на него во время перелета меланхолию и развил бешеную активность, которая порой даже начинала меня пугать. Впрочем, чем бы экипаж ни тешился, лишь бы не ныл и на мозги капитану не капал...

Уже на второй день Холден заявил, что нашел вполне подходящий вариант, но для окончательных переговоров администрация настаивает на нашем личном визите в клинику.

– Не понимаю, почему нельзя договориться обо всем по Сети? – заявил я. – Тем более что никаких бумаг вроде подписывать не надо... Ведь визит на поверхность, аренда шаттла и атмосферный полет будут стоить нам отдельных денег, и я бы не сказал, что это совсем незначительные деньги. Или тут какие-то особые обычаи, требующие нашего личного присутствия и знакомства с врачами?

– Так принято на Веннту, – вздохнул Холден. – Но это не обычаи, это скорее требования профсоюза перевозчиков. Хотя я не сомневаюсь, что и клиника поимеет с этого свою долю.

– Жульничество и грабеж, – «перевел» я.

– Точнее, особенности местной экономики, – сказал Холден. – А ободраť туриста с другой планеты – это вообще дело обычное, им практически везде занимаются. По сравнению с расценками Альянса нам еще дико повезло.

– В твоей компании слово «везение» приобретает какой-то странный смысл.

– Я могу слетать один, – предложил Холден. – Так будет дешевле.

– Мне не хотелось бы отпускать тебя одного.

– А, то есть ты мне не доверяешь? – уточнил он.

– Я просто предпочел бы лично присутствовать при разговоре с врачами, – сказал я, тщательно подбирая слова. – Учитывая, что ты не вполне разделяешь мои взгляды относительно целесообразности задуманного.

– Мне казалось, я согласился с тем, что ты капитан, – сказал Холден. – Впрочем, дело твое. Что один пассажир, что два, – порядок цифр от этого сильно не изменится. Или мы полетим втроем, чтобы Азим прикрывал от меня твою спину?

– Мне не хотелось бы оставлять корабль без присмотра, – сказал Азим.

– Значит, летим вдвоем, – подытожил Холден. – Не сомневаюсь, что ты получишь незабываемые ощущения от визита на планету, население которой целиком состоит не из людей.

Сила тяжести на Веннту чуть выше земной и значительно ниже кленнонской, поэтому урожденные веннтунианцы уступают своим имперским собратям в физической силе и росте, однако для человека их приземистый облик все равно выглядит угрожающе.

Пассажирский салон орбитального челнока является весьма ограниченным пространством, где мы с Холденом оказались заперты в компании с несколькими десятками кленнонцев, что сразу же породило у меня чувство определенного внутреннего дискомфорта.

Все кленнонцы, которых я встречал до этого момента, были военными, в пехоте нас учили, что кленнонцы являются нашим первым потенциальным противником, так что... для душевного спокойствия в такой компании мне требовалась силовая броня с заряженными аккумуляторами и полным боекомплектom.

Но поскольку на орбитальный челнок нельзя брать с собой даже парализаторы, я чувствовал себя почти голым. И очень уязвимым.

Кленнонец может взять человека за руки и просто оторвать их, не прикладывая к этому особых усилий. Веннтунианец тоже способен провернуть такой трюк, но он при этом несколько запыхается. Может, для кого-то здесь и существует принципиальная разница, но только не для человека, которому эти руки оторвут.

Мы пристегнули ремни, шаттл плавно отстыковался от орбитальной станции и включил маневровые двигатели. Я закрыл глаза, готовясь к перегрузкам и убеждая себя, что полет будет недолгим, а на открытом пространстве планеты кленноноподобные аборигены не будут оказывать на меня столь деморализующего воздействия.

Черта с два!

Пространство космопорта, конечно, нельзя сравнить с салоном шаттла, но и аборигенов там оказалось куда больше.

Сколько я ни пытался себя убедить, что это обычные гражданские люди, занятые своими делами и абсолютно равнодушные к двум прибывшим на планету космическим туристам, при виде зала прибытия, забитого сотнями, а то и тысячами веннтунианцев, легче мне не стало.

– У нас есть сорок минут до заказанного мной глайдера, – сообщил Холден. – Не хочешь пока выйти из здания и осмотреть окрестности?

– Не хочу, – ответил я. – Тем более я не думаю, что этот космопорт и его окрестности чем-то принципиально отличаются от любого другого такого, а уж на космопорты я в последнее время насмотрелся достаточно. Окрестности же можно и из глайдера взглядом окинуть.

Агент пожал плечами. Не знаю, насколько уютно он чувствовал себя среди представителей другой расы, но достопримечательности его тоже не особенно интересовали.

На небольшом скоростном глайдере, который вез нас от космопорта до клиники, находящейся на другом конце континента, мы были единственными пассажирами, а веннтунианский пилот находился в кабине, отделенной от салона непроницаемой перегородкой, так что мы смогли почувствовать себя свободней.

Пейзаж за окном оказался не таким уж фантастическим. Веннту являлась планетой земного типа, а все планеты земного типа похожи на ту или иную часть Земли.

Пока глайдер набирал скорость и высоту, можно было полюбоваться космопортом, вполне стандартным по меркам окраинных миров, небольшим городком рядом с ним и хвойным лесом вокруг него. Потом все стало как при обычном авиаперелете – сверху облака, снизу сплошной зеленый ковер, изредка пересекаемый блестящими лентами рек.

– Штат местного консульства Альянса насчитывает сто шестьдесят пять человек, – сообщил Холден, включив карманное подавляющее устройство. Поскольку предмет был неболь-

шим и явно не являлся оружием, его удалось протащить на поверхность без особых проблем. Конечно, серьезную технику СБА при помощи такой штуки не подавишь, но зато водитель при всем желании не сможет подслушать наш разговор, даже если установил в салоне «жучки». – Из них на СБА работает примерно половина. Учитывая, что примерно треть от этого количества – аналитики, эксперты и прочие кабинетные работники, можно вывести число боевых единиц, которые могут представлять для нас угрозу: порядка пятидесяти человек. Как тебе расклад?

– Пятьдесят человек на целую планету с почти миллиардным населением – это не так уж и много.

– А пятьдесят человек против нас двоих? – уточнил Холден. – Конечно, тут много зависит от ситуации в СБА, и далеко не факт, что нам придется иметь дело со всеми. Если Корбен окончательно прижал Визерса, то его версия стала официальной, и на нас будет охотиться весь штат местных сотрудников. Если же все до конца так и не определено, то против могут действовать только люди, преданные лично Корбену. Беда в том, что я понятия не имею, сколько тут таких людей.

– Насколько вероятно, что они предпримут против нас активные действия, если обнаружат? Веннтунианцы позволяют людям из консульства носить с собой оружие?

– Это окраинный мир, который не так давно воевал, – сообщил Холден. – Достать нелегальное оружие тут не проблема. Конечно, повышенное внимание к представителям иной расы в определенной степени связывает руки и осложняет полевые работы, но невозможной я бы эту задачу не назвал.

– Может быть, нам тоже стоило бы обзавестись оружием, которое можно применить на поверхности? – сказал я. – Как по-твоему, в какие сроки нас могут обнаружить?

– Зависит от многих причин, и в первую очередь от того, насколько интенсивно нас ищут. Самый минимум – это три-четыре дня.

– Сейчас как раз третий день.

– Вот именно.

– А максимум?

Холден пожал плечами:

– Может, произошло чудо, и нас тут вообще не будут искать. Но я бы на это сильно не рассчитывал. Заниматься долговременным планированием, основываясь на пустых надеждах, способны только неисправимые оптимисты.

– Давно таких не встречал.

– Я в общем-то тоже.

Холден открыл мини-бар, проигнорировал обширную коллекцию выставленного там алкоголя и достал бутылку местной минеральной воды.

– Рекомендую, – сказал он. – Эта планета когда-то была самым популярным курортом Империи, по большей части как раз из-за минеральных источников. Ну и еще из-за пониженной силы тяжести в сравнении с мирами их родной системы.

Я не стал напоминать Холдену, что родной системой Кленнонской Империи является Солнечная. Если гражданам Альянса так нравится считать, что кленнонцы принадлежат к другому биологическому виду, это их дело, и вряд ли мое мнение сможет что-то тут изменить.

Вода оказалась чуть сладковатой и довольно приятной на вкус. Если она еще и полезная...

Впрочем, экспортировать ее все равно некуда. Стоимость доставки на другую планету сделает минеральную воду дороже коллекционного коньяка. Когда-то, во времена весьма отдаленные и куда более наивные, именно по этой причине – из-за высокой стоимости доставки – масштабные войны в космосе казались невозможными. Были мелкие столкновения в открытом пространстве, были стычки за астероиды, несколько конфликтов вокруг недавно откры-

тых миров, но об атаке на уже колонизованный мир, обладающий собственными средствами обороны, и речи не шло.

Как захватывать целую планету? Как высаживать десант? Как его координировать? Как осуществлять поддержку оставшихся на планете войск? Что потом делать с местным населением?

Когда-то это казалось слишком масштабным и экономически невыгодным делом. А потому – невозможным.

Знакомство с историей Гегемонии Скаари, которая понятия не имела об этой теории, доказала обратное. В своих бесконечных межклановых войнах скаари захватывали не только отдельные планеты, но и целые звездные системы, не считаясь ни с расходами, ни с потерями в живой силе и технике.

А потом экономическая и политическая ситуация в Альянсе сложилась так, что воевать оказалось дешевле, чем не воевать. Перенаселение базовых миров Альянса, тотальный кризис перепроизводства и жесткая социальная политика превратили Альянс в кипящий котел с плотно закрытой крышкой. Что случается с такими котлами, если вовремя не стравить давление?

Это известно любому человеку, одолевшему школьный курс физики.

Правильно. Такие котлы взрываются.

Занятно, что и у Империи, и у Альянса были свои причины начать войну – причины достаточно разные, но своей критической массы они достигли практически одновременно. И небольшая вспышка, произошедшая от отдаленной космической станции, зажгла пламя, в котором запросто могла сгореть вся галактика.

Клиника, которую выбрал Холден, была построена среди леса. Наземные дороги и населенные пункты рядом отсутствовали, и подобраться к ней можно было только по воздуху.

Глайдер плавно скользнул на посадочную площадку, находящуюся между несколькими однотипными трехэтажными корпусами из серого пластобетона. Если бы я не знал, что это медицинское заведение, то мог бы принять его за что угодно: комплекс выглядел абсолютно безлико.

– Если твою планету регулярно подвергают орбитальным бомбардировкам, ты поневоле научишься строить по типовым проектам и без архитектурных излишеств, – пояснил Холден, с которым я поделился своими наблюдениями. – А также не складывать все яйца в одну корзину и не оказывать противнику услуг, когда он может уничтожить несколько важных объектов одним ударом.

– Поэтому здесь нет больших городов?

– Миллионники есть, – сказал Холден. – По местным стандартам, это уже очень большие города.

Встречающая делегация была представлена двумя веннтунианцами, один из которых был мелким администратором, а второй получал зарплату в службе охраны. На правом его бедре висела кобура с парализатором, на левом – с чем-то куда более серьезным и летальным.

– Господа Холден и Стоун? – Общим языком Альянса он владел безупречно. Никаких гортанных звуков и скрежетаний, свойственных подданным Кленнонской Империи, я не уловил.

– Именно, – сказал Холден.

– Проследуйте за мной.

Мы проследовали, а охранник последовал за нами, и я поймал себя на мысли, что присутствие сзади вооруженного человека меня нервирует, хотя раньше остался бы к нему равнодушен.

С появлением в жизни человека врагов у него появляются и новые привычки. Может быть, я уже и спиной к двери никогда больше не сяду, и прежде чем повернуть за угол, постараюсь сначала за него заглянуть...

Кабинет, в который нас проводили, тоже был серым, типовым и мог принадлежать кому угодно. В нем не было никаких намеков, по которым можно было бы угадать сферу деятельности его хозяина. Стол, кресла, большой настенный монитор, какой-то местный пейзаж на стене.

В кабинете нас ждали двое. Тип помоложе, в чем-то отдаленно напоминающем то ли медицинский халат, то ли форменный комбинезон сантехника, поднялся нам навстречу для обмена рукопожатиями. Второй, чуть постарше, в гражданской одежде, которая совсем не по-граждански оттопыривалась у него под мышками, стоял, прислонившись к стене и следя за нами со скучающим лицом представителя службы безопасности.

Интересно, они всех так опасаются или только тех, кто прилетает к ним с других планет?

– Я – доктор Уоллес, специалист по криовосстановлению, – представился нам владелец кабинета. – Если мы договоримся, то именно я займусь решением вашей... э... проблемы.

– Возникли какие-то сложности? – поинтересовался Холден.

– Мы ознакомились с технической документацией и диагностическими данными, которые вы нам передали, так что сложностей с медицинской стороны вопроса я не вижу, – сказал доктор Уоллес. – Но... э... у мистера Вэлла возникли некоторые вопросы. Видите ли, он тоже ознакомился с документами и... ну, вы понимаете, это несколько нетипичная для нас ситуация, и мы решили перестраховаться...

Интересно, какой еще сюрприз приготовила для меня вселенная и что такого нетипичного они нашли в нашей проблеме?

– Позволь, я сам, – сказал мистер Вэлл. Лицо при этом у него осталось таким же скучающим, да и взгляд был направлен куда-то сквозь нас. – У меня всего несколько вопросов, и я уверен, что много времени это не займет.

Доктор Уоллес кивнул.

– Судя по полученной документации, объект не имеет никаких физических повреждений, кроме тех, что были нанесены ему самим помещением в криостазис, – сказал мистер Вэлл. – Это несколько странно. Вы не могли бы объяснить?

– Что именно вы хотите услышать? – поинтересовался Холден.

– Причины, – сказал Вэлл. – Если физических показаний для стазиса нет, то что же тогда вызвало необходимость заморозки?

Физические показания для стазиса обычно видны невооруженным глазом. Оторванные конечности, вываливающиеся внутренности, развороченная грудная клетка... Словом, все, с чем не может справиться в полевых условиях обычный автохирург или корабельный госпиталь, а раненый настолько важен, что сохранить ему жизнь попытаются любыми средствами. Криокамеры – штука сложная и дорогая, а восстановление в итоге обходится еще дороже, при том что ни в одном случае нет стопроцентной гарантии, и на обычных людей их не расходуют.

– Я не хотел бы озвучивать эти причины, – честно признался Холден. Видимо, убедительно соврать сейчас не смог бы даже он, человек, чья основная профессия была говорить неправду и пудрить окружающим мозги. – Могу лишь заверить, что ни о какой неизвестной доселе болезни или эпидемии в данном случае речи не идет, а потому вашему медперсоналу ничего не угрожает.

Мистеру Вэллу ответ не понравился. Правда вообще редко кому нравится.

– Это не армейская криокамера, – сказал мистер Вэлл. – Мы сравнили спецификации, ВКС Альянса используют оборудование проще и дешевле, это же – вершина ваших современных технологий. – Он особо подчеркнул слово «ваших». – Где вы ее взяли?

– Это важно?

– Да, – сказал мистер Вэлл. – Насколько нам известно, наиболее продвинутые технологии используются СБА. Мне не очень нравится, что вы пытаетесь втянуть нас в какие-то игры спецслужб.

– Вы демонизируете СБА, – улыбнулся Холден. – Далеко не за всеми безобразиями и необъяснимыми событиями в этой галактике стоят спецслужбы.

А мистер Вэлл – молодец, подумал я. Здорово он сложил два и два и вычислил истинную подоплеку событий. Жаль только, что этот молодец играет не на нашей стороне.

– Может быть, и не за всеми, – скучающим тоном согласился мистер Вэлл. – Но вы пока не сказали ничего такого, что могло бы опровергнуть эту версию. Вы вообще пока еще ничего не сказали.

– У СБА есть свои собственные госпитали, – напомнил Холден. – Почему же тогда мы не обратились туда и предпочли искать сторонние контакты?

– Собственно, именно это меня и интересует, – сказал мистер Вэлл. – Я не демонизирую СБА, однако хочу избежать нежелательных последствий как на дипломатическом, так и на любом другом уровне. Работа у меня такая.

– Что ж, пожалуй, мы не договорились, – сказал Холден. – Спасибо, что уделите нам время...

– Подождите, – сказал я. – Полагаю, мы можем позволить себе некоторую откровенность, учитывая обстоятельства.

– Да? – удивился Холден.

– Да, – кивнул я. – Дело в том, что мы... э... контрабандисты. Эта криокамера вполне могла быть изготовлена на территории Альянса, но мы приобрели ее на Пекле, у барона Раджа Хэммонда. Естественно, в этой ситуации у нас нет никаких документов, которые могли бы это подтвердить, но я полагаю, для вас не секрет, что любые технологии со временем утекают на сторону.

– Продолжайте, – сказал мистер Вэлл.

– Камеру мы купили для выполнения одного довольно щекотливого задания, – сказал я. – Обстоятельства так сложились, что вывезти объект с той планеты, на которой он находился, можно было только в состоянии криостазиса. Тонкости местного законодательства, знаете ли. Теперь, для того чтобы довести нашу работу до конца, нужно вернуть... э... объект к жизни и отвезти его к заказчику. А поскольку камера приобретена нами нелегально, мы не можем обратиться за помощью к медицинским службам Альянса.

– То есть своих проблем с законом вы не отрицаете? – уточнил мистер Вэлл.

– С законом одного из приграничных миров – нет, – сказал я. – Но у СБА к нам никаких вопросов быть не должно. Даже отследить канал, по которому эта камера утекла на сторону, через нас они не смогут. Пекло – место весьма специфическое...

– Знаю, – кивнул мистер Вэлл. – Мне доводилось там бывать.

Интересно, что они могли подумать о характере нашей работы, подумал я. Что мы крадем с планеты какого-то ценного специалиста? Везем девушку богатому любителю специфических сексуальных утех? Спасаем преступника?

Это, конечно, если они поверили хоть единому моему слову.

Но я сделал ставку на то, что они очень хотят нам поверить, потому что только в таком случае они смогут увидеть цвет наших денег и огрести энную сумму в свой собственный карман. Если бы они наотрез отказались с нами сотрудничать, на кой черт вообще было настаивать на личной встрече и сдергивать нас с орбиты?

– Интересная история, – сказал мистер Вэлл. – И в принципе непроверяемая. Кто проводил подготовку к криостазису?

– Местные специалисты, – сказал я.

Работа по упаковке человека в холодильник каких-то специальных медицинских требований не предъявляет. Смысл основного использования криокамер в том, чтобы выиграть время и переложить проблему на плечи более квалифицированного человека.

Доктор Уоллес и мистер Вэлл переглянулись. Сложно было определить, поверили ли они моей истории до конца, или же она просто успокоила их совесть, но после короткой паузы доктор озвучил сумму. Она оказалась астрономической.

Холден улыбнулся и уполовинил ее.

– Вдобавок вы можете оставить криокамеру себе, – сказал он.

– Зачем нам этот антиквариат? – удивился веннтунианский доктор. – Единственное применение, которое я могу придумать, – выставить ее в музее инопланетных медицинских технологий. С таким же успехом там можно поставить муляж, ибо я сомневаюсь, что подобный образчик может привлечь чье-либо внимание. А практического применения мы ей здесь все равно не найдем.

– Можете охлаждать в ней пиво, – предложил Холден и увеличил сумму на десять процентов.

Следующие полчаса они с доктором Уоллесом увлеченно торговались, а мы с мистером Вэллом скучали и пересчитывали несуществующие трещины на потолке. В итоге Холдену удалось сбить озвученную сумму на четверть и выторговать доставку криокамеры на поверхность за счет клиники, а также сократить адаптационный период до трех недель с первоначальных полутора месяцев, на которых настаивал Уоллес. Также ему удалось выторговать наше бесплатное проживание в корпусе для гостей и питание за счет клиники на все то время, что потребуется для реанимационных работ.

К тому моменту, когда Холден подтвердил свою платежеспособность, они ударили по рукам и подписали все документы, мистер Вэлл уже удалился по своим делам. Доктор Уоллес пригласил нас отобедать в клинике и совершить небольшую экскурсию по корпусам, чтобы мы могли увидеть, за что платим деньги, но Холден вежливо отказался, забрал ключи от нашего номера и отпустил ожидающий нас глайдер. Впрочем, рейс все равно был оплачен в оба конца, так что сэкономить на этом нам не удалось.

– Если все пойдет нормально, то через три недели мы покинем эту планету вчетвером, – сказал Холден, когда мы остались одни. – Но при этом у нас не будет кредита. Разве что чуток провизии сможем закупить.

– Но, Холден, у нас есть три недели, чтобы что-нибудь придумать по этому поводу. Политика решения проблем по мере их поступления всегда казалась мне достаточно мудрой.

– Обратная сторона этого вопроса заключается в том, что у Корбена и СБА есть те же три недели, чтобы избавить нас от необходимости решать эту проблему по мере ее поступления, – оптимистично заявил Холден. – Вполне может быть, что нас вывезут отсюда совершенно бесплатно. В пластиковых гробах.

Глава 5

Одно дело – знать о существовании миров, целиком населенных представителями иной расы, и совсем другое – побывать в одном из таких миров.

Наш вынужденный визит на Кридон в расчет можно не принимать, так как по большей части мне удалось рассмотреть там различные оттенки темноты и небольшой кусочек мертвой радиоактивной поверхности. Конечно, разница между людьми и кленнонцами не так велика, как разница между людьми и скаари, однако на Веннту мне ни на миг не удалось забыть, что эта планета принадлежит чужакам.

Особенно это чувствовалось в мелочах.

Слишком короткие кровати, в которых человеку роста выше среднего – моего роста – не удается до конца распрямить ноги. Бытовая техника установлена ниже привычного уровня, так, что даже обычные выключатели требуют для нажатия на кнопку куда больше усилий, нежели аналогичные приборы, сработанные человеческой рукой.

Сила тяжести, как я уже говорил, здесь была немногим выше, чем на Земле, и особых хлопот не доставляла, тем более что за неделю до прибытия на Веннту мы начали регулярно посещать спортзал «Ястреба» и постепенно увеличивали искусственную силу тяжести на корабле, чтобы сделать процесс акклиматизации на планете менее болезненным. Прививки от местных болезней нам сделали сразу же после стыковки «Ястреба» с орбитальной станцией, в клинике нас подвергли стандартной диагностической процедуре и ничего опасного для жизни не обнаружили.

Однако не стоило забывать, что само наше пребывание на планете было достаточно опасным и могло закончиться крупными неприятностями.

Криокамеру доставили в клинику утром следующего дня, доктор Уоллес в нашем присутствии считал показания с приборов, заверил нас, что большие проблемы возникнуть не должны и он в любом случае будет держать нас в курсе происходящего, после чего удалился в недра медицинского комплекса. Мы оказались предоставлены самим себе.

Больше всего я опасался даже не визита боевиков СБА, а того, что Холден вновь начнет разваливаться на части, впадать в меланхолию, депрессию, нагрузится алкоголем и снова станет капать мне на мозги. К моему большому облегчению, этого не произошло. Холден был привычно язвителен, шутлив, но собран и насторожен.

– Кстати, прикинуться контрабандистами было довольно удачной идеей, – признал он. – Мне следовало бы сообразить, что на планете, перенесшей тяжелую экономическую блокаду, отношение к контрабандистам может быть более теплым, нежели к любым другим криминальным элементам.

– Не думаю, что я успел все просчитать, – сознался я. – Скорее, это была импровизация.

– Все равно она была удачной, – сказал Холден. – Не хочешь слетать в город? Отсюда каждое утро отправляется служебный глайдер, и мы вполне можем им воспользоваться. А вечером тот же глайдер летит обратно.

– Не хочу.

– Кленнонцы в больших количествах тебя нервируют?

– Ну, признаюсь честно, душевного комфорта их общество мне точно не добавляет.

– А я, пожалуй, слетаю, – сказал Холден. – Может быть, даже задержусь там на пару дней. Хочу проверить, работают ли мои каналы связи...

– Неужели ты бывал тут раньше?

– Я много где бывал раньше, – поведал агент. – И потом, у меня есть особое качество – я могу легко завязывать новые знакомства и находить то, что мне нужно.

– Ценное качество для аге... контрабандиста.

Холден заметил мою осечку и ухмыльнулся.

– Правильно, – сказал он. – И у стен могут быть уши. Конечно, я включил подавитель прослушки, но лучше не терять бдительности и следить за тем, что говоришь. Самые убедительные легенды как раз валяются на мелочах вроде обычных оговорок.

– И много легенд завалил ты сам?

– Пока ни одной, – сказал Холден. – И я предпочел бы, чтобы так оно и оставалось.

Кормили тут вполне сносно. Можно было пойти в столовую для персонала, для этого существовали определенные часы посещений, или же воспользоваться небольшой кафешкой, находящейся в соседнем корпусе и работающей круглосуточно.

Никакой набившей оскомину в космосе синтетики или полуфабрикатов. Веннту была миром, который мог обеспечить себя всем необходимым. В современной галактике не так уж много миров могли похвастаться тем, что способны прокормить себя сами, при этом используя только пищу естественного происхождения. Континент, на котором располагалась клиника, находился в зоне умеренного климата, и огромные территории были отданы под сельскохозяйственные угодья. Стада генетически улучшенных коров бродили по лугам и поглощали модифицированную, но растущую в природных условиях зеленую траву, в морях водились вполне съедобные местные виды рыб, колосились пшеничные поля...

Второй континент Веннту был расположен большей частью в зоне рискованного земледелия, а потому там сосредоточились промышленные производства. Единственное, чего у веннтунианцев не было для полного счастья, – собственных космических верфей, и корабли с гипердвигателями им приходилось покупать на стороне. И, разумеется, воспользовавшись ситуацией, Альянс требовал за такие корабли грабительскую цену, которую нельзя было не заплатить, поскольку Империя наотрез отказывалась продавать Веннту свои военные и космические технологии.

Оно и понятно. Какой император любит сепаратистов?

Вечером второго дня мы вышли из номера, дабы размять ноги и подышать свежим лесным воздухом, и я поинтересовался у Холдена, как вообще вышло, что Веннту решила выйти из состава Империи и получила независимость.

– Разве ты не читал справочники? – удивился он.

– Читал, но там приводятся только факты, и те слишком обрывочные. Даты событий, схемы сражений, сводки потерь. Но ответа на вопрос «почему?» там отчего-то не приводится.

– Ответ всегда один и тот же, – сказал Холден. – При любом государственном устройстве всегда есть недовольные этим самым устройством, и среди этих недовольных всегда находятся те, кто с завистью смотрит в сторону соседей. Граждане Альянса все чаще задумываются о преимуществах монархического строя и сильной руки, которая наведет порядок. В то же время в самой Империи есть определенный процент людей, мечтающих о демократических ценностях и свободах.

– Я видел демократические ценности и свободы Альянса, – сказал я. – Из Вселенной неудачников они видны особенно хорошо.

– Ну, не без перегибов, – признал Холден. – Хотя, как правило, эти перегибы лучше видны изнутри, и недовольные императором кленнонцы предпочитают попросту закрывать на них глаза и убеждать себя, что вот у нас-то такого точно не получится. Но это частности, и дело сейчас в другом. Веннту была самой удаленной колонией Империи, использовалась в основном как планета-курорт, и в силу очевидных причин, связанных с гравитацией, ее жители чувствовали себя отверженными.

– При чем тут гравитация?

– Это же очевидно. Одной из определяющих человеческих свобод является свобода передвижения. Если тебе что-то где-то не нравится, ты можешь собрать чемодан, купить билет и свалить в то место, где хорошо.

– А хорошо там, где нас нет.

– Что-то типа того. В идеале свобода передвижения не должна ограничиваться вообще, – сказал Холден. – Теоретически любой недовольный местными условиями гражданин Альянса может сменить не только планету проживания, но и, в случае общего недовольства проводимой государством политикой, эмигрировать в один из независимых миров. Бюрократические преграды значительны, но вполне преодолимы, и главным сдерживающим фактором в данном случае являются деньги.

– Именно этот фактор сдерживает девяносто девять процентов населения.

– Это уже проблемы девяноста девяти процентов населения, – сказал Холден. – Некоторые люди вообще не умеют зарабатывать деньги и вынуждены жить на социальный минимум, предоставленный государством. Но опять же чисто теоретически никто не мешает им получить хорошее образование, стать ценными специалистами, заработать денег и свалить за границу.

– Я полагаю, ценные и хорошо зарабатывающие специалисты могут неплохо устроиться и в самом Альянсе.

– Это да, но если говорить о простом и вполне понятном желании человека повысить свой уровень жизни. На идеологических эмигрантов это правило не распространяется. Если человек недоволен государством, в котором он живет, ты не остановишь его двухуровневой квартирой, отдельным домом или пятьюдесятью видами колбасы из натурального мяса.

– А нельзя ли поближе к гравитации?

– Мы уже подбираемся к ней, – хмыкнул Холден. – Исторически так сложилось, что человечество разделилось на несколько государств, и, если повезет, ты можешь выбрать то, чей строй тебе больше нравится. Кленнонцы такого преимущества лишены. Поэтому их свобода передвижения – это исключительно свобода передвижения по Империи.

– Еще они могут свалить на планету типа Пекла, где царит хаос, а государственное устройство вообще отсутствует.

– Кленнонская диаспора на Пекле крайне невелика, и ею можно пренебречь. К тому же Пекло привлекает в первую очередь всяческие криминальные элементы, и добропорядочным гражданам...

– Подданным.

– ...добропорядочным гражданам и не менее добропорядочным подданным там может попросту не найтись работы, – закончил Холден. – Это достаточно маргинальное место, в котором добропорядочность может присутствовать только как задание в кроссворде. Туда уходят не в поисках лучшей доли, туда бегут от больших проблем, как правило, от проблем с законом.

Он прав. На Пекле слишком много свобод. В том числе и свобода носить оружие, и связанная с нею свобода умереть. Все, кого я там встречал, носили с собой личное оружие, а дома баронов охранялись не хуже средневековых крепостей.

Даже лучше, с учетом развития оборонно-наступательных технологий.

Обратная сторона свободы...

– Так вот, возвращаясь поближе к гравитации, – продолжал Холден. – Человечество в первую очередь колонизовало планеты земного типа, а планеты земного типа отличаются от других тем, что у них, помимо всего прочего, еще и гравитация земного типа. Понимаешь, о чем я?

– Вроде бы.

Сектантам, свалившим с Земли накануне Войны Регресса, достался суровый мир с повышенной силой тяготения, но выбирать им было не из чего. Корабли дышали на ладан и не выдержали бы еще одного перелета, поэтому кленнонцы принялись осваивать трудный новый

мир. Благодаря достижениям генной инженерии они довольно быстро приспособились к этому миру. То, на что эволюции потребовалось бы тысячи лет, они сделали всего за несколько поколений. И когда они обзавелись собственным космическим флотом и отправились осваивать галактику, они выбирали для колонизации планеты кленнонского типа. То есть с привычным для них уровнем гравитации.

– А Веннту по этому параметру ближе к Земле, чем к Кленнону?

– Именно, – подтвердил Холден. – С другой стороны, существование этой планеты нельзя было игнорировать, иначе бы она досталась Альянсу. А планеты, как ты знаешь, это главная ценность галактики, тем более Веннту по сравнению с тем же Пеклом – это не просто пригодная для жизни планета, а практически настоящий рай. Климат, ресурсы...

– Пониженная гравитация.

– Вот-вот. Вспомни о проблемах первых лунных поселений... – Он осекся. – А, ну да. С одной стороны, ты ничего не забываешь, поэтому предлагать тебе что-либо вспомнить – глупо, с другой – откуда тебе вообще знать о тех проблемах? Это же из курса истории, который проходят в начальной школе, но ты в нашей начальной школе не учился. Так вот, люди, оказавшиеся на Луне, подвергались воздействию силы притяжения в шесть раз меньше, чем они привыкли, что весьма положительно сказалось на их самочувствии. Но со временем их мускулы атрофировались, организм перестроился под местные, куда более щадящие, чем на Земле, требования, вырос срок их жизни, однако вернуться на Землю при всем желании они уже не могли. Разве что в скафандрах с регулируемым давлением и усиленным экзоскелетом. С тех пор и до изобретения генераторов искусственной гравитации специалисты, которым требовалось работать на Луне, а потом возвращаться на Землю, ходили в утяжеленных костюмах, каждый день занимались на тренажерах и не проводили на спутнике больше двух месяцев подряд. Проблема решилась окончательно только тогда, когда генераторы гравитации подешевели настолько, что их можно было поставить в каждом куполе. Проблема специалистов, как ты понимаешь, а не проблема лунных жителей, которых к тому моменту было уже больше миллиона и которые стали невыездными. Если тебе интересно, чем там кончилось дело, поищи в справочниках по ключевым словам «лунные бунты» и «восстание Гедри».

– Разница между гравитацией Кленнона и Веннту не в шесть раз.

– Да, поэтому процесс перестройки организма шел медленнее, но все равно был необратимым и привел к тем же результатам. Вдобавок Веннту – не Луна, где население сосредоточено под несколькими куполами с искусственной атмосферой и гравитацией. На целую планету генератор гравитации не поставишь. В итоге получилось, что жители других планет Империи могли прилетать на Веннту, которая по сравнению с другими принадлежащими им мирами являлась курортом и местом для отличного отдыха, но самим жителям Веннту вход на внутреннюю планету был закрыт. Поэтому, как ты понимаешь, процент недовольных положением дел в Империи на Веннту был особенно высок.

– Неужели они взбунтовались только из-за гравитации?

– Конечно, не только, – сказал Холден. – Это просто одна из причин. А все остальное было обычным делом. Когда большинство людей недовольно положением дел, рано или поздно находятся умники, которые говорят что-то типа: «Эй, а на хрена нам вообще сдалась эта Империя, если мы видим ее только в сводках новостей с внутренних планет? Зачем нам быть подданными, размножаться в пробирках и платить имперские налоги, если мы вполне можем быть свободными гражданами, размножаться старым добрым природным способом и плюнуть имперскому сборщику податей в его наглый левый глаз?» Сначала это были обычные разговоры по пьянке, слово за слово, кулаком по столу. Потом идея овладела массами, и случилось первое восстание, которое было безжалостно подавлено присланным с Кленнона карательным отрядом. Что, естественно, популярности правящему монарху не прибавило.

– А в мои времена говорили, что массовые расстрелы спасут мир, – сказал я.

– Видимо, расстрелы оказались недостаточно массовыми, – предположил агент. – Точная пропорция расстрелянных к спасаемым до сих пор не определена, и я опасаюсь, что вывести ее опытным путем не получится. Думаю, что для каждой планеты она индивидуальна. В случае с Веннту император эту пропорцию точно не угадал, и спустя каких-то десять лет случилось второе восстание. Только на этот раз оно было подготовлено куда лучше, и силы сопротивления возглавил адмирал, под чьим командованием находилась местная группировка войск. А поскольку адмирал был хорошим офицером, вся группировка перешла на сторону мятежников.

– Интересно, какие у него были причины для предательства?

– О, для предательства всегда есть причины, – протянул Холден. – Одни говорят, что в деле замешана женщина из сопротивления, которую адмирал безумно любил, другие – что он хотел построить собственную империю, возглавив ее в качестве монарха. Поскольку сам герой до независимости Веннту не дожил, сейчас трудно сказать, какими именно соображениями он руководствовался. Зато до своей гибели он два года колошматил имперские корабли, не давая им возможности высадить десант и закрепиться на планете.

– Ему хоть памятник поставили?

– И не один, – сказал Холден. – После его гибели война не закончилась, его офицеры слишком хорошо знали свое дело и слишком хорошо понимали, что прощения императора они уже никогда не получат. Война продолжалась еще полтора года, а потом император подсчитал убытки и осознал, что продолжение военных действий короне просто не по карману. Тогда война сменилась экономической блокадой, которая длилась больше тридцати лет. А поскольку это ни к чему не привело, а блокада тоже стоила денег, пусть и меньших, чем война, потом сняли и ее.

– И сразу же признали независимость?

– Нет, еще лет через сорок. Монархическое мышление очень инерционно. А знаешь, что самое смешное?

– Я вообще не заметил, чтобы ты мне сейчас рассказывал что-то смешное.

– Самое смешное то, что сейчас на Веннту выросло новое поколение недовольных, которые, как ты помнишь, есть при любом политическом строе и которые знают о войне за независимость только из учебников истории. Они несколько романтизируют те времена, когда планета находилась под властью императорского дома, и в обществе начали ходить разговоры о возвращении под сень десницы Таррена Второго. Сейчас это все держится на уровне разговоров в среде радикально настроенной молодежи, но кто знает, во что это могло бы вылиться с годами?

– Ты прав, – согласился я. – Это действительно смешно.

– История развивается по спирали, а люди – идиоты, все время наступающие на одни и те же грабли, бессмысленные и беспощадные, – сказал Холден. – Я уверен, что если бы в прошлом веке в Альянсе случился бы государственный переворот и власть попала бы в руки какого-нибудь генерала, провозгласившего себя новым тираном, сейчас в обществе уже полным ходом шли бы разговоры о необходимости возврата к старому строю и реванше демократии.

– Холден, у тебя есть какие-нибудь собственные политические воззрения?

– О да, – улыбнулся тот. – Я анархист.

– И при этом работаешь в СБА?

– Не стоит путать работу и личные убеждения. Работа – это то, за что платят. Анархия – это то, во что веришь.

– А еще анархия – мать порядка, – напомнил я. – С каждым разом ты открываешь мне все новые грани своей личности.

– Я вообще сложен, противоречив и полон сюрпризов, – ухмыльнулся Холден. – Впрочем, как и ты, и как та девушка, которую сейчас возвращают к жизни наши веннтунианские друзья.

– Последнее время я не очень люблю сюрпризы...

Холден буркнул что-то неразборчивое, но саркастичное – что-то про жизнь, которую надо любить во всех ее проявлениях, – и тут, словно решив поиздеваться над ним, на голову агенту свалилась еловая шишка.

Глава 6

Утром Холден таки отправился в город. Вечером глайдер вернулся в клинику без него, и было непонятно, то ли он нашел себе какие-то более интересные занятия, чем сидеть здесь, то ли вляпался в неприятности.

Доктор Уоллес связался со мной уже за полдень и сообщил, что все идет по плану: им удалось вывести тело Киры из криостазиса и поднять температуру до тридцати шести градусов. По расчетам криореаниматоров, она должна была прийти в сознание в течение сорока восьми часов, и тогда восстановительные процедуры перейдут во вторую стадию.

Следующий день новостей не принес и ничего в ситуации не изменил. Кира не пришла в сознание, Холден из города не вернулся, и мной понемногу начало овладевать беспокойство.

Тот факт, что время играет против нас и агенты Корбена, вполне возможно, уже идут по нашему следу, тоже не мог служить поводом для оптимизма.

Холден был ниточкой, связывающей меня с Визерсом, у него были деньги, необходимые нам для того, чтобы расплатиться с врачами и убраться с планеты, и еще он был человеком на планете, принадлежащей чужим. Если с ним что-то случится, это здорово затруднит нам жизнь.

Я слонялся по комнате, гулял по лесу, читал сводки новостей, опасаясь увидеть в них сюжет о Холдене, и пытался просчитать варианты своего дальнейшего поведения на тот случай, если мой партнер объявится, и на тот, если придется рассчитывать только на себя и Азима.

На пятый день Кира пришла в себя. Доктор Уоллес диагностировал криоамнезию и частичную потерю кратковременной памяти, но базовые функции не пострадали. Мозг был в норме, и капитану Штирнер не придется заново учиться разговаривать и пользоваться столовыми приборами.

– Пройдет еще пара дней, и вы сможете ее увидеть, – сказал доктор, испытующе глядя мне в глаза.

Очевидно, пытался понять, хочу ли я ее увидеть и какие эмоции испытываю по этому поводу.

Даже не знаю, что он сумел прочесть на моем лице.

На шестой день в ленте новостей прошла информация о террористическом акте в посольстве Альянса на планете. Погибло шесть человек, часть здания была разрушена. Ответственность взяла на себя молодежная радикальная организация «Имперские волки», ратававшая за возврат Веннту под сень императорской власти.

Что ж, может, оно и к лучшему. По крайней мере у местных эсбэшников сейчас появилось много хлопот, которые отвлекут их от наших поисков. Если таковые вообще ведутся.

Мне катастрофически не хватало информации, поэтому я продолжал сидеть ровно и ждать дальнейшего развития событий. Если начал метаться по незнакомой, плохо освещенной местности, шансы сломать себе шею повышаются в несколько раз.

Капитан Штирнер сидела в автоматизированном кресле-каталке на аллее больничного парка и ждала меня, а я стоял за деревьями, смотрел на нее издалека и не решался подойти. Помнит ли она меня, узнает ли она меня, какие вопросы она может мне задать и что мне ей ответить? Доктор Уоллес просил, чтобы я не волновал его пациентку, но как, черт побери, я могу выполнить это условие?

Да, мы спасли ее, вытащили из лап Корбена, но что дальше? Будущее все еще туманно, я не представляю, что делать дальше, и Холден до сих пор не дал о себе знать.

В конце концов я решил, что долгие томишь девушку ожиданием уже неприлично, и направился к ней. Кира повернула голову на звук, увидела меня и развернула коляску.

– Привет, – сказал я, почему-то чувствуя себя полным идиотом.

Наверное, так шестое чувство предупреждало меня, что я вот-вот ляпну какую-нибудь глупость.

– Привет, – сказала она.

– Как себя чувствуешь?

– Вполне прилично, учитывая обстоятельства, – чуть наклонила голову она. – Только хотелось бы получить кое-какие объяснения.

– Э... например?

– Ты вообще кто?

Ну да, этого следовало ожидать. Не у всех же такая хорошая память на лица, как у меня.

Кира видела меня несколько минут, и было это несколько лет назад. Притом основное свое внимание она уделяла скоростному пилотированию. Несмотря на то что погоня, как это выяснилось гораздо позже, была инсценирована Визерсом, опасность нам грозила вполне реальная. Двукратное превышение скоростного режима в городской черте опасно и на наземном транспорте, на воздушном же это и вовсе граничит с самоубийством.

Не просто же так Визерс поручил это задание лучшему пилоту из всех, кого он смог найти.

– Я Алекс, – сказал я. – Мы встречались на Земле.

– Не припоминаю, – сказала она извиняющимся тоном и наморщила лоб. – Док сказал мне, что пострадала моя память о последних событиях, но не исключал, что могут быть и более ранние провалы...

– Побег из штаб-квартиры СБА, – подсказал я.

– Ах, *тот* Алекс! Извини, у меня не было времени запомнить твое лицо.

– Понимаю.

– Откуда ты тут взялся?

– Э... собственно, это я тебя сюда и привез.

– Зачем?

– А что ты вообще помнишь?

– Я же говорю, о последних месяцах я не помню вообще ничего. Меня срочно отозвали с крейсера, к которому я приписана, я должна была явиться в Солнечную...

– На Землю?

– Нет, – неуверенно сказала она. – По-моему, речь шла о Марсе. Что-то об испытаниях прототипа нового истребителя... Не могу тебе сказать, чем там кончилось. Я даже не помню, добралась я до Марса или нет. Может, ты мне расскажешь?

– Вряд ли. Мы нашли тебя на Тайгере-5.

– «Мы»?

– Я и мой друг. А отправил нас туда генерал Визерс.

– Приятно, черт побери, что Сол не забыл о моем существовании! – улыбнулась она. – Впрочем, было бы еще приятнее, если бы он вообще не появлялся в моей жизни.

– Как я тебя понимаю, – вздохнул я.

– Но что же, черт побери, я делала на Тайгере-5 и за каким чертом вы запихнули меня в морозильник?

– Это не мы. Мы тебя в таком состоянии уже нашли.

– О как!

– Да.

Положение становилось все более неловким. Два абсолютно незнакомых человека, которые, вне зависимости от их воли и желания, оказались втянуты в какие-то сложные и непонятные им самим отношения. Я вроде как спас ей жизнь, что делает ее обязанной мне, а меня – ответственным за нее. И что со всем этим делать, я категорически не понимаю.

- Видимо, я должна тебя поблагодарить.
- Не стоит.
- Ладно, поблагодарю позже, – легко согласилась она. – А где твой друг?
- Стережет корабль на орбите.
- Кстати, об этом, – сказала она. – А почему мы, собственно говоря, здесь и почему мной занимаются недокленнотцы, а не штатные криореаниматоры СБА?
- Потому что СБА временно нельзя доверять.
- Насколько временно?
- Пока Сол не уладит проблемы.
- Сол умеет улаживать проблемы, – согласилась Кира. – А еще лучше он умеет их создавать. В СБА раскол, и левая рука не ведаёт, что творит правая?
- Что-то типа того.
- И как мы узнаём, что Сол все уладил?
- С нами его человек.
- Который?
- Я сообразил, что она наверняка знает Холдена не под тем именем, под которым знаю его я, и постарался нарисовать как можно более узнаваемый словесный портрет.
- Впервые слышу, – сказала Кира. – Впрочем, я нечасто контактировала с СБА, меня привлекали всего несколько раз. В качестве специалиста со стороны.
- Я тоже не штатный сотрудник, – уведомил я.
- Странно. Я думала, ты полевой агент под прикрытием.
- Ага, у меня такое шикарное прикрытия, что никто, кроме Визерса, обо мне и не знает.
- Так оно и бывает обычно.
- Тебе-то откуда знать, приглашенный специалист?
- Шпионские сериалы люблю смотреть. Чем еще заняться во время долгого скучного рейда?
- Ты хоть в курсе, что война началась?
- Меня все равно не пустят за джойстики еще полгода, и это в лучшем случае, – сказала она. – Придется снова сдавать зачеты, подтверждать квалификацию, налетать положенные часы...
- Тебя что, война вообще не волнует?
- Во-первых, местные спецы запретили мне волноваться. А во-вторых, это когда-нибудь все равно должно было случиться. Что толку переживать по поводу того, с чем ничего не можешь сделать? Я не политик, я пилот. Мое дело – не предотвращать войны, а сбивать корабли.
- Ты не помнишь, что Визерс приготовил для тебя особую миссию, никак не связанную со сбитыми кораблями?
- Нет. – Она выглядела озадаченной. – Черт побери, я чувствую себя полной дурой! Что за миссия?
- Экспедиция далеко за пределы Сектора Исследованного Космоса.
- Впервые слышу. То есть, может быть, и не впервые, но складывается такое ощущение. Черт, никогда не думала, что умудрюсь загреметь на лед. Док сказал, что у меня не было никаких физических повреждений, когда меня упаковали. Это так?
- Да.
- Тогда зачем это им понадобилось?
- Визерс мне об этом ничего не рассказал, – солгал я.
- Наверное, не стоит сообщать, что люди Корбена хотели разобрать ее на запчасти, дабы посмотреть, как она устроена. Меня бы такое известие точно взволновало, а я и без того уже чувствовал, что наговорил лишнего.

– Ты сказал, что на орбите нас ждет корабль. Что за судно?

– Маленькое и быстрое.

– Как раз как я люблю. Полгода тянула лямку второго пилота на крейсере, этот увалень слишком неповоротлив. После истребителя складывается такое впечатление, что ты был птицей, а стал бегемотом. Не могу даже представить, что чувствуют пилоты всех этих громадин типа линкоров или мониторов. Пока приведешь эту махину в движение, тебя десять раз подобьют, а я не люблю находиться под огнем. Ты сам умеешь пилотировать?

– Дилетантски. Я лучше стреляю, чем летаю.

– Когда ты садишься в кокпит истребителя и ощущаешь себя единым целым с машиной, это непередаваемое ощущение, – поведала Кира.

– Даже лучше, чем секс? – Сравнение было избитым и банальным донельзя уже тогда, когда космические истребители существовали только в качестве научной фантастики.

– Я бы не стала сравнивать, – сказала Кира. – Это слишком разное... Откуда ты вообще такое взял?

– Просто приходят в голову всякие глупости. – Ага, предчувствие, возникшее в самом начале разговора, меня не обмануло: если у Алекса Стоуна есть хоть малейший шанс выставить себя идиотом, он этим шансом непременно воспользуется.

От еще большей неловкости меня спас довольно противный звуковой сигнал и лампочка, замигавшая в одном из подлокотников кресла-каталки.

– Похоже, мне пора на процедуры, – сказала Кира. – До встречи, Алекс.

– Увидимся, – сказал я. – Выздоровливай там.

– Я уж постараюсь...

Прошла неделя с тех пор, как Холден отправился в город, и от него все еще не было ни слуху ни духу.

Каждый день я несколько часов проводил с Кирой. Доктор Уоллес утверждал, что это часть ее терапии, да и ей самой, я полагаю, было приятно видеть единственное человеческое лицо среди персонала клиники, напоминавшего ей о первом потенциальном противнике Альянса. Ах да, теперь уже не о потенциальном.

Я уже не первый раз ловил себя на мысли, что так до конца и не верю в начавшуюся войну. Здесь, в клинике посреди леса, на материке окраинной планеты, было тихо и спокойно, в ленте новостей практически не было информации о боях и потерях, и я часто забывал об объявлении войны и начале боевых действий.

А может быть, все дело в моем устаревшем сознании, которое не может всерьез воспринимать мысли о звездных войнах и отгораживается от реальности. С тех пор как я покинул двадцать первый век и оказался в будущем, прошло больше пяти лет. Если я до сих пор не убежден в реальности происходящего, может быть, я вообще уже никогда не буду в ней убежден?

Память о событиях, предшествующих Тайгеру-5, у Киры так и не восстанавливалась. Было видно, что ее это угнетает, и в наших разговорах я старался обходить щекотливую тему стороной. Мы болтали о пустяках, обменивались старыми жизненными историями и байками, изредка обсуждали ситуацию в галактике и изменения, о которых сообщалось в местных новостях.

А их было не много. По большому счету, официальное начало войны мало что изменило в сложившемся в предвоенные годы положении дел. Флотилии все еще не вступали в масштабные столкновения и находились в маневренной фазе. Оно и понятно, никто не хочет брать на себя ответственность за начало геноцида.

Каждый вечер я шел на посадочную площадку и встречал возвращающийся из города глайдер. Отсутствие Холдена начинало всерьез меня беспокоить, но я старался не подавать виду, чтобы и медперсонал, и Кира не могли заподозрить неладное.

Я пытался убедить себя, что ничего страшного не происходит и не может произойти, что Холден – не просто взрослый человек, а опытный полевой агент СБА, и, что бы он ни задумал, он будет вести себя осмотрительно.

Один, без агентурной сети, без поддержки, на планете, где по определению нельзя затеряться в толпе... Не представляю, как разведчик вообще может работать в таких условиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.